

ЕВГЕНИЙ ЧЕРНОИВАНЕНКО

УСПЕХ
БОГАТСТВО
ОДИНОЧЕСТВО
ВРЕМЯ
СМЕРТЬ
ВЛАСТЬ
СТАРОСТЬ
СМЫСЛ ЖИЗНИ

ЛОГИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ЛЮБОВЬ
СУДЬБА
ЗДОРОВЬЕ
ДЕТИ
ПОЛИТИКА
ВЕРА
СЕМЬЯ
ЗНАНИЕ
СЧАСТЬЕ

Это одна из немногих книг, дочитав которую,
хочется приняться за нее снова.

Радислав Гандапас

Евгений Михайлович Черноиваненко

Логика человеческой жизни

Серия «Книга профессионала»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51872441

Логика человеческой жизни:

ISBN 978-5-17-119844-2

Аннотация

Все мы знаем, что нам нужно для счастья: семья, дети, деньги, положение в обществе, успех, любовь, образование... Мы много работаем ради этого и нередко даже добиваемся желаемого. Но почему, разбогатев, люди так часто чувствуют себя обманутыми? Почему на вершине власти человек вдруг открывает, что на самом деле зависим от всех? Почему успех так часто оказывается губительным? Почему так трудно найти общий язык с собственными детьми? Почему такая волнующая в начале отношений любовь почти всегда оканчивается скукой? Мы чего-то не знаем обо всех этих вещах, чего-то не понимаем – чего-то очень важного. Чего?

Нам также мешают быть счастливыми наши страхи, главные из которых – страхи одиночества, смерти и бессмысленности жизни. Мы гоним их от себя, но с возрастом они беспокоят всё больше.

И все же в мире были и есть немало людей, которые смогли понять логику человеческой жизни, что позволило им

сделать собственное бытие гармоничным и счастливым. Эта книга обобщает опыт великих мыслителей и отвечает на вопрос, что является несущей конструкцией нашего существования.

Автор решился описать логику человеческой жизни во всех главных ее аспектах. Тут и любовь, и власть, и богатство, и старость, и отношения с детьми, и проблема Бога... Понятно, что результат такой попытки не мог уместиться на ста страницах и представлять собой легкое развлекательное чтение. Чтение этой книги потребует от вас активного размышления. Но в итоге вы сможете преодолеть владеющие большинством из нас иллюзии, победить мучающие нас страхи и открыть для себя новое – созидательное и оптимистическое – понимание жизни.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие Радислава Гандапаса	6
Читать или не читать?	10
Часть 1	15
Глава 1	15
Глава 2	32
Глава 3	50
Глава 4	73
Глава 5	90
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Евгений Черноиваненко
Логика
человеческой жизни

© Черноиваненко Е.М.

© ООО «Издательство АСТ»

Предисловие Радислава Гандапаса

Уж чего в жизни нет, так это логики! И не спорьте со мной! И смысла нет. А вот счастье – есть, вопреки расхожему слогану на криминальных татуировках прошлого века.

Нет логики и смысла в одной, отдельно взятой человеческой жизни. Но в жизни вообще несомненно есть. И автору этой книги ее удалось проследить. Впрочем, он не был первым на этом пути. Именно явно прослеживаемая логика толкала мыслителей на путь поиска демиурга, создавшего все по некоему первоначальному и непротиворечивому плану. Оставалось лишь разгадать этот план.

Что же нам это дает? В первую очередь предсказуемость. Когда в каком-либо процессе есть логика, это позволяет прогнозировать последствия наших действий. Есть логика в правилах дорожного движения, практике лечения заболеваний, воспитании детей. Конечно, случаются ошибки и необъяснимые явления, но они, скорее, исключение. Во вторую очередь, логика – это красиво. Логика – архитектура смыслов, где равновесие конструкции достигается точным расчетом. А гармония и эстетика, хотя и вторичны по отношению к практическому назначению здания, определяют его ценность.

Попытку осмыслить логику человеческой жизни в аспекте счастья и гармонии предпринял и я в своей книге «Пол-

ная Ж: жизнь как бизнес-проект». Заметьте, и здесь – проект. Возможно, именно поэтому мне оказалась так близка и интересна эта книга. Возможно, именно поэтому мне предложили написать к ней предисловие. А, возможно, еще и потому, что я знаю автора уже тридцать пять лет.

Немного об авторе. Кто он, Евгений Черноиваненко? Математик? Физик? Астроном? Известно, что барды, именно барды – в большинстве своем физики и математики, пишущие и поющие пронзительные песни о любви, дружбе и «щемящем чувстве дороги». А вот автор книги «Логика человеческой жизни» – филолог, в прошлом кавээнщик и автор-режиссёр студенческого театра эстрадных миниатюр, а ныне известный литературовед, доктор наук, профессор Одесского университета, декан филологического факультета. Что называется, гуманитарий до мозга костей. Так что все логично: физики занимаются лирикой, гуманитарии – логикой.

Но если кроме шуток, Евгений Михайлович – человек с особым мышлением: парадоксальным и в то же время структурным. Без этого не стать ученым, не стать профессором и не стать деканом. Он попытался на то, чтобы описать логику человеческой жизни во всех мыслимых аспектах. Тут и любовь, и власть, и богатство, и отношения с самим собой. Понятно, что результат такой попытки не мог уместиться на ста страницах и представлять собой легкое, развлекательное чтение. Тут читателю придется потрудиться. Но это будет увлекательный и радостный труд. Лично мне не удава-

лось прочесть более трех глав кряду. Чаще я себя останавливал после одной-двух, давая время на размышление о прочитанном.

Да, главная читательская работа над этой книгой начинается именно после прочтения, в период размышления и обсуждения с близкими по духу людьми. Довольно часто я делал тему главы темой моего разговора с женой, друзьями, коллегами, детьми.

То же советую сделать и вам. Где-то я прочел, что по мнению психологов, обсуждение супружеской парой пяти фильмов в месяц снижает вероятность развода втрое. О чем же мы говорим за ужином, на прогулке или в автомобиле? Часто, признаемся, о пустяках. Об услышанной по телевизору или прочитанной в твиттере новости, о событиях в жизни общих друзей, о происшедшем на работе. А то и вовсе о том, что видит глаз в момент разговора. Как насчет того, чтобы вместе поразмышлять о темах, затронутых в этой книге? А если пойти еще дальше и вместе ее читать? Как много вы узнаете о своем партнере по браку, друге или ребенке. Их отношение к затронутым в этой книге темам может прояснить, в какой логике они живут и собираются жить дальше. Но что еще более ценно, уверен, что большинство из тех, кто читает эту книгу, перед собой никогда и не ставило таких сложных и важных вопросов. Вопросы, ответы на которые представляют собой несущую конструкцию нашей жизни.

Знаю, знаю, что сейчас не пишут длинных предисловий.

И тем более не читают. Поэтому не исключено, что однажды меня спросят: «А что бы вы сказали о книге «Логика человеческой жизни» одной фразой?» В этом случае я отвечу: «Это одна из немногих книг, дочитав которую, хочется приняться за нее снова».

Читать или не читать?

Эта книга – не коммерческий проект: книгу, на которой хотят быстро заработать, не пишут 8 лет. Эту книгу я писал для себя, чтобы ответить самому себе на вопросы, которые с годами многих из нас беспокоят всё острее. В поисках ответов я не слишком полагался на собственные силы, но опыт жизни и опыт чтения говорили мне: в мире было и есть немало мудрых людей, которые понимали, как устроена человеческая жизнь; нужно только услышать их. Вот почему в этой книге так много цитат.

Кто-то скажет, что в жизни нет и не может быть логики, как нет и не может быть её, скажем, в любви или в смерти, а ведь в жизни есть ещё и такие совсем разные вещи, как богатство и одиночество, власть и старость, детство и политика, судьба и вера... О какой единой для них всех логике можно говорить? Мне хорошо понятны такие сомнения. Ещё лет десять назад я тоже так думал, но долгий поиск, а главное – помощь знающих проводников помогли мне прийти к пониманию того, что, какой бы многообразной ни была человеческая жизнь, в ней всё же можно обнаружить логику, управляющую такими разными её проявлениями.

В этой книге я пытался объяснить жизнь самому себе. Через неуверенность и сомнения я шёл от непонимания к пониманию. Сомневаясь, я нередко возражал себе, как может

возражать автору читатель, а потом должен был отвечать на эти возражения уже от имени автора. Вот почему в книге, писавшейся для себя, часто встречается диалог автора с читателями.

Как это часто бывает у авторов, книга вышла совсем не такой, какой задумывалась изначально. Замысел книги постоянно менялся в процессе работы. Но вместе с ним менялся и я сам, хотя был уже вполне зрелым человеком. В итоге получилась совсем иная книга. Иным стал и я: книга изменила меня и мою жизнь, сделав её гораздо более осмысленной, гармоничной и счастливой.

Я не стану обещать вам, что моя книга непременно сделает такой же и вашу жизнь – это можете сделать только вы сами. Но она непременно поможет вам в этом. Правда, при одном условии: если вы её прочтёте.

Евгений Черноиваненко

*Жизни увидевя богатия...
Что тревожишь ты меня?*

...

*От меня чего ты хочешь?
Ты завидишь или пророчислишь?
Я помню тебя холу,
Савела я в тебе ишу...*

Александр Пушкин
Стихи, сочинённые ночью во время бессонницы

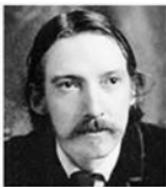
*Надо написать повесть о душе, которая брошена в мир,
в ужас и хочет оптимизма, о самом себе...*

Юрий Олеша

*Нет у нас обязанности, которую бы мы так
недооценивали, как обязанность быть счастливыми.*

Роберт Льюис Стивенсон

*Человек должен быть всегда счастливым,
если счастье кончается, смотри, в чём ошибся.*

Лев Толстой

Мы обладаем только тем счастьем, которое способны
понять.

Морис Метерлинк

Неужели вы не понимаете, что где-то мы сблизись с пути? Человеческий муравейник стал богаче, чем прежде, у нас больше всяких благ и досуга, и всё же нам не хватает чего-то существенного, чему трудно подыскать определение. Мы меньше ощущаем себя людьми, мы утратили какие-то таинственные привилегии.

Антуан де Сент-Экзюпери

Эхнатон, Моисей, Конфуций, Лао-цзы, Будда, Исайя, Сократ, Иисус утверждали одни и те же нормы человеческой жизни лишь с небольшими, незначительными различиями.

Эрих Фромм

Жизнь, по сути, очень простая штука, и человеку нужно приложить много усилий, чтобы её испорчить.

Антон Чехов

Что мне делать с этой способностью к долготу, медленно растущему счастью? Не хочется уносить его с собой в могилу. Но как его передать?

Григорий Померанц

...Что мы знали до сих пор — тысячелетия свар из-за рывьдх голов... Теперь у нас появилась возможность понять первопричину — постичь, ради чего мы живём. Открытие, осознание, освобождение! Дайте же мне один-единственный шанс, позвольте показать вам то, что я нашёл...

Ричард Бах.

Чайка по имени Джонатан Ливингстон

Часть 1

Освобождаясь от иллюзий Счастье: так ли всё просто

Глава 1

Действительно ли мы хотим быть счастливыми

Даже моим вполне взрослым детям уже трудно представить себе, что были времена, когда интернета не было вообще, а телевидение состояло из одного-единственного телеканала. Теперь количество каналов исчисляется сотнями, и каждый предлагает что-нибудь интересное. Каких только программ нет на телевидении! Одни учат вкусно готовить, другие – советуют, как избавиться от лишнего веса, третьи рассказывают о том, как ухаживать за деревьями, четвёртые – о том, как делать ремонт, и так далее. Всё это, конечно же, очень интересно, но далеко не для всех, ведь не все же любят проводить полвыходного у плиты, не всем нужно худеть, у большинства из нас нет ни единого своего дерева, а не менее убедительное большинство не желает портить себе настроенные мыслями о ремонте квартиры.

Между тем, есть нечто, что объединяет нас всех: все мы хотим быть счастливыми. Человек всегда хотел этого, когда бы и где бы он ни жил. И это желание – сознательно или подсознательно – определяло всю его жизнь. Ещё в середине XVII века выдающийся французский философ, математик и физик Блез Паскаль отметил: «Все люди стремятся к счастью – из этого правила нет исключений; способы у всех разные, но цель одна... Счастье – побудительный мотив любых поступков любого человека, даже того, кто собирается повеситься».

И сегодня мы движимы стремлением к счастью, хотя не всегда отчётливо сознаём это. Нынешний лидер буддистов, Далай-лама XIV, в одной из своих книг заметил: «Спросите у людей, какова цель их жизни, – и лишь немногие дадут вам чёткий ответ, хотя большинство хотело бы иметь такую цель. Мой ответ на этот вопрос очень прост: цель жизни – быть счастливым» («Путь истинного лидера», 2008, совместно с Лоренсом ван ден Майзенбергом).

Может ли всемогущее телевидение научить нас тому, как сделать свою жизнь счастливой? Наверное, может, но попробуйте найти такой канал или хотя бы только цикл передач – мне это не удалось. Когда-то я предложил паре телеканалов вести такой цикл, но их это совершенно не заинтересовало. Похоже, на телевидении уверены в том, что сделать себя счастливым куда легче, чем приготовить омлет или поклеить обои. Но если бы это было так, наш мир и наша жизнь в нём

были бы совсем иными.

На первый взгляд, счастье – штука незамысловатая: кто же не знает, что такое счастье? В любом книжном магазине вы найдёте пособия с практическими советами на тему «как стать счастливым». Впрочем, если вы обратитесь к серьёзной научной литературе по этой проблеме, то быстро поймёте, что на самом деле со счастьем всё совсем не так просто. Люди всегда очень по-разному представляли себе счастье. Уже во времена святого Августина, в V веке, в научной литературе насчитывалось до трёхсот определений счастья. И для нас сегодня счастье – вещь совсем не очевидная, а во многом даже парадоксальная. Суть одного из таких странных парадоксов заключается в том, что все мы хотим счастья, но почти каждый из нас ежедневно совершает поступки, которые лишают его малейшей возможности почувствовать себя счастливым, причём делает это совершенно добровольно.

Эта наша страсть родилась не сегодня и не вчера. Похоже, она всегда была свойственна людям. Живший в XVII веке великий испанский драматург Педро Кальдерон заметил: «Есть люди, испытывающие такое удовольствие постоянно жаловаться и хныкать, что для того, чтобы не лишиться его, кажется, готовы искать несчастий». В XIX веке русский сатирик Михаил Салтыков-Щедрин с грустью констатировал: «Человек так уж устроен, что и на счастье-то как будто неохотно и недоверчиво смотрит, так что и счастье ему надо навязывать».

В XX веке нашей парадоксальной тягой быть несчастными занялись профессиональные психологи. Стремясь помочь нам скорее достичь желаемого, некоторые из них даже написали книги с конкретными практическими рекомендациями. Пионером этого гуманного движения был, видимо, американец Дэн Гринберг. Изданная в 1966 году его книга «Как довести себя до плачевного состояния» была расценена критиками как «честный и искренний документ, благодаря которому более ста тысяч читателей научились влачить существование, по-настоящему лишённое какого бы то ни было смысла».

Так как именно супружеская жизнь обычно является главным источником наших проблем и конфликтов, то неудивительно, что учёные не могли не отозваться на наше сокровенное желание сделать её беспросветно несчастной. Стоит вспомнить вышедшие уже в 70-е годы книгу итальянского психолога и юриста Гульельмо Гулотты «Комедии и драмы супружества», а также работу канадцев Родольфа и Люка Мориссеттов «Краткий курс супружеской герильи» (напомню, что герильей в испаноязычных странах называют партизанскую войну).

В 1983 году в США выходит в свет книга профессора Стэнфордского университета Пауля Вацлавика «Ситуация безнадежна, но не серьёзна» с подзаголовком «В поисках несчастья» (в русском переводе она вышла под титулом «Как стать несчастным без посторонней помощи»). Книга заво-

евала всемирную известность, став бестселлером в США, Германии, Италии, Франции и многих других странах, породив многочисленные подражания и аналоги, появляющиеся и доныне.

Конечно же, в таких книгах психологи не учат нас всерьёз тому, как стать несчастными, – они лишь показывают нам, какими способами мы сами делаем себя таковыми. Как бы то ни было, современная психология уверенно констатировала наше наполовину неумение – наполовину нежелание быть счастливыми. Но, может, это характерная черта именно современного человека? Может, люди прошлого жили гораздо счастливее нас?

Читая литературную классику, сохранившую для нас жизнь прошедших времён, мы не можем с уверенностью ответить на этот вопрос положительно. Карел Чапек, бывший не только выдающимся писателем, но и, я бы сказал, выдающимся читателем, в одном из своих эссе заметил: «Странно, но факт: чем выше литература, тем безрадостнее конец романа. «Преступление и наказание» не заканчивается появлением на свет роскошного младенца. «Госпожа Бовари» не заканчивается свадьбой. Стриндберг в своих произведениях ужасает бездетностью и т. д. Действует некий скрытый закон, согласно которому качество литературы обратно пропорционально счастливому концу» («Последний эпос, или Роман для прислуги», 1924). Да, в зеркале высокой классики жизнь людей прошлого не выглядит очень счастливой. Од-

нако сегодня, когда литературу почти полностью заменило телевидение, ситуация значительно усугубилась. Современная культура – и массовая, и элитарная – насквозь пронизана негативом. Причём в ней негатив играет уже совсем иную роль.

Литература прошлого показывала бедность, преступления и несчастья лишь постольку, поскольку это было необходимо для постановки жизненно важных социальных проблем и их последующего разрешения. Негативное в ней служило позитивному. Теперь же телевидение, оттеснившее литературу, в большинстве случаев только имитирует интерес к таким проблемам, прикрываясь им, тогда как на деле его интересует лишь самоцельный показ всё более новых ужасов. Каждый выпуск новостей шокирует нас природными катаклизмами, техногенными катастрофами и авариями, страшными несчастьями, леденящими кровь преступлениями. Интернет – это один большой ящик Пандоры. Пресса старается ни в чём не отставать от переросших её видеобратьев. Негативное стало самоценным.

Но поразительно не то, что нам это постоянно показывают: в конце концов, чего не покажешь за деньги, особенно за большие? Поразительно то, что мы сами всё это смотрим – смотрим, ужасаясь и возмущаясь; смотрим, откупоривая дрожащей рукой флакон валокордина; смотрим, хотя лично нам за это ничего не платят.

В это же самое время на соседних каналах показывают

экранизацию Шекспира в прекрасной постановке, захватывающий научно-популярный фильм с уникальными съёмками, интервью с талантливым и мудрым писателем, концерт великого тенора, но мы не отрываясь смотрим ток-шоу, посвящённое тому, как пьяный папаша в невменяемом состоянии изнасиловал собственную дочь.

Как не жаль жертву преступления, социального резона показывать это «граду и миру» со всеми подробностями нет ровно никакого: такое могло и может случиться где угодно и когда угодно. Глубокомысленный вывод «Вот как ужасен алкоголизм!» на самом деле должен лишь придать хотя бы видимость проблемности и общественной значимости зрелищу той мерзости, которая на самом-то деле и была единственной «изюминкой» шоу.

В конце передачи наши ощущения можно выразить одной фразой: «Боже, какая гадость!». Из глубин подсознания всплывает и всё более чётко формулируется гневный вопрос: «Господи, зачем я это смотрел?». Долго ещё после этого мы не можем ощутить себя не только счастливыми, но даже просто спокойными.

Однако завтра мы ещё полдня будем взволнованно обсуждать этот сюжет на работе со своими коллегами, а вечером снова включим именно этот канал именно с этим ток-шоу, чтобы повозмущаться очередной мерзостью, которую припасли для нас находчивые журналисты. Как поётся в старой доброй песне, «всё опять повторится сначала». Вот только

часы нашей жизни, которые мы так и не сделали счастливыми, уже не повторяются.

Мы сами делаем этот выбор, а потому давайте не будем винить телевизионщиков, помешавшихся на «чернухе». Если бы мы это не смотрели, нам бы это не показывали. Так хотим ли мы быть счастливыми?

Давайте присмотримся, прислушаемся к самим себе, к тем, кто нас окружает: как мы общаемся? Большая часть наших разговоров – это сетования на судьбу, на политику правительства, на безобразия в стране, на отсутствие элементарных условий для жизни и работы, это пересказ кошмарных теленовостей или жутких слухов. Каждый микросюжет завершается у нас выводом «Вот ужас!» и безапелляционным прогнозом «То ли ещё будет!». Если бы это говорил несчастный, у которого за последнюю неделю конкуренты сожгли магазин, преступники угнали машину, а соседи отравили любимую кошку, такой человек имел бы для этого основания. Однако у большинства из нас, слава Богу, всё, как говорится, «в пределах нормы». Обычные мелкие житейские проблемы и неприятности никак не тянут на нечто катастрофическое. Но, тем не менее, мы не устаём с искренним пафосом восклицать: «Вот кошмар! Просто ужас!». Похоже, очень уж хочется нам хоть немного побыть несчастными.

Может быть, в глубине души мы стремимся к тому, чтобы нас, таких несчастных, пожалели? Это ведь очень распространённая и стойкая человеческая потребность. Впро-

чем, некоторым людям она не свойственна, особенно людям неординарным. Авраам Линкольн заметил: «Большинство людей счастливы настолько, насколько они решили быть счастливыми». Ещё решительнее высказался Лев Толстой: «Человек должен быть всегда счастливым, если счастье кончается, смотри, в чём ошибся».

Но ведь не всем же быть великими, а потому почти все мы, ощутив себя несчастными, сами себя и жалеем и, вместо того, чтобы искать, в чём ошиблись, начинаем оправдывать себя в собственных же глазах тем, что для счастья у нас не «те» родители, не «то» образование, не «те» внешние данные; тем, что мы живём в провинции, что у нас нет стартового капитала и т. д., и т. п. А раз так, то счастливыми мы не можем быть «по определению».

Нет, мы вовсе не считаем, что «нет в жизни счастья», как гласит одна из наиболее популярных в прошлом максимум татуировочной афористики. Оно есть, но лишь для других – для везунчиков, у которых «те» родители, «то» образование, «та» внешность и т. д.

Как известно, всё познаётся и всё оценивается в сравнении, в том числе и мы сами. Мы сравниваем себя с другими, и это сравнение почему-то постоянно оказывается не в нашу пользу. С какой стороны ни посмотри – во всём мы уступаем. Психологи знают: в таких случаях дело не в самой по себе нашей мизерабельности, а в том, что мы заведомо выбираем для сравнения людей более успешных. Нам бы сравнить

себя сегодняшнего с собою же вчерашним – и мы бы, наверное, увидели себя в куда более выгодном свете, но нет: нам непременно нужно сравнивать себя с человеком с обложки журнала или из телепередачи о жизни звёзд. Как тут не ощутить себя несчастным?

Но даже и в нашем кругу кто-то лучше учится, чем мы, кто-то лучше одевается, кто-то богаче, кто-то удачливее, кто-то красивее... Смириться с этим невозможно, и начинается, как говорят велосипедисты, «гонка за лидером», в которой каждый стремится превзойти другого. Но в борьбе со многими соперниками шансов проиграть куда больше, чем выиграть. Проиграв, мы чувствуем себя несчастными. Однако, как давно известно, счастья не приносит даже победа, ведь уже завтра соперники могут отнять её у тебя.

Уже со времён глубокой древности людям известно, что счастье нельзя обуславливать какими-то внешними обстоятельствами. Об этом говорили мудрецы Древнего Востока и Египта, античной Греции и Рима, об этом говорится в памятниках всех ведущих мировых религий, об этом и сегодня говорят психологи, философы, проповедники. Профессор университета в Эр-Рияде, доктор шариатского богословия, шейх Аид аль-Карни в своей книге «Не грусти!» (2002) пишет: «Люди часто говорят: «Когда у меня будет то-то и то-то, я буду счастлив». Эти люди уверены в том, что они обретут счастье только тогда, когда у них будет то, чего нет сейчас – дом, машина, богатство, семья, хорошее образование,

учёная степень, высокооплачиваемая работа, признание, известность и так далее. Этот список можно продолжать бесконечно.

Эти люди подобны путнику в пустыне, у которого нет воды и который, увидев мираж вдалеке, идёт к нему. Он идёт и идёт, а мираж только отдаляется и отдаляется, и человек умирает от жажды, так и не дойдя до цели.

Эти люди не понимают, что желания человеческие безграничны: если кто-то мечтает о хорошем доме, то, когда эта мечта осуществится, у этого человека появится другая, и он снова будет чувствовать себя несчастным, пока не сбудется новая мечта, – и так будет продолжаться до конца жизни».

Веками и тысячелетиями нам втолковывают эту нехитрую истину, но мы крепкие орешки. Мы и сегодня вздыхаем: «вот если бы нам ещё..., вот тогда бы...». Как герой известного «пластилинового» мультфильма Александра Татарского «Падал прошлогодний снег» (1983), мы на все подарки судьбы отвечаем: «Маловато будет!».

В системе грамматических времён английского языка есть время, которое называется будущим неопределённым. Вот и мы наше счастье постоянно откладываем на какое-то неопределённо-будущее время, забывая лишь об одном: на самом деле наше будущее всегда определённо, то есть обладает пределами, только знать эти пределы нам не дано.

Мудрый Фёдор Тютчев смог выразить эту мысль гениально просто:

Увы, что нашего незнания
И беспомощней и грустней?
Кто смеет молвить: до свиданья
Через бездну двух или трёх дней?
(1854)

Мы вечно откладываем счастливую жизнь на завтра, не зная, есть ли у нас это завтра. Нередко мы осознаём эту ошибку лишь тогда, когда исправлять её уже некогда. А ведь ещё Пифагор в VI веке до нашей эры учил: «Великая наука жить счастливо состоит в том, чтобы жить только в настоящем». Прошло две с половиной тысячи лет, но мы так и не научились этому.

Не стоит, однако, думать, что настоящее можно принести в жертву только будущему. Проявляя недюжинную изобретательность в своём стремлении быть несчастными, мы нередко делаем настоящее жертвой прошлого.

Конечно, приятные воспоминания былого могут служить нам опорой и поддержкой в те моменты, когда настоящее нас не очень радует. Но так несчастным не станешь, а потому «нормальные герои всегда идут в обход». И вот мы, как подсказывает Пауль Вацлавик, старательно превращаем своё прошлое в рай, навсегда потерянный и потому такой дорогой. В какой-то момент мы полностью очистили это прошлое от всего неприятного. Мы забыли о том, что юность – на самом-то деле очень непростое время, полное переживаний,

страхов, тоски. Мы превратили воспоминания о ней в источник ностальгических переживаний. Мы забыли о том, что тот давний юношеский роман был более мучительным, чем радостным; что все друзья тогда советовали нам оборвать его; что мы и сами испытали облегчение, сделав это. Но теперь мы снова и снова убеждаем себя в том, что, если бы начать заново, всё сложилось бы удачно.

Обо всём неприятном мы забыли, потому что решили помнить только хорошее. А сделав своё прошлое идеальным, мы противопоставили его такому неидеальному настоящему. И теперь настоящее не интересуется нас. Мы и думать не хотим, что оно может быть не только источником негативных эмоций, но таить в себе бесконечные возможности счастья. Так с помощью прошлого мы лишили наше настоящее возможности быть хоть сколько-нибудь счастливым.

Впрочем, и само настоящее таит в себе для этого неисчерпаемые ресурсы. Вы думаете, быть несчастным – это непременно чувствовать свою ущербность? Ошибаетесь, чувство собственного достоинства или даже превосходства также может помочь нам испортить себе жизнь, ведь в таком случае мы становимся объектом зависти и недоброжелательности буквально всех окружающих – от случайных попутчиков в автобусе до ближайших родственников. Житейская опытность и боязнь оказаться в дураках подсказывают нам, что смыслом существования для всех них является стремление если не вовсе сжить нас со свету, то хотя бы подстроить ка-

кую-нибудь каверзу.

Чувствуя себя значительной персоной, мы уверены в том, что все вокруг заняты только нами, что все только и думают, что о нас. Всё внимание начальства, конечно же, приковано только к нам, даже если мы пока не выросли выше младшего клерка. Коллеги за нашей спиной, безусловно, обсуждают только нас. О соседях и говорить нечего. Обо всём этом нельзя забывать ни на минуту, нужно постоянно быть бдительным, чтобы не попасть впросак. Нужно пытаться постичь подлинный коварный смысл каждого слова, взгляда, улыбки в ваш адрес, не обманываясь их кажущейся искренностью и бесхитростностью. Конечно, жизнь а-ля Штирлиц – не сахар, но «на войне как на войне». Вот только можно ли быть счастливым на нескончаемой войне?

Доверьтесь этим двум милым сёстрам – Мнительности и Бдительности, и под руку с ними вы быстро дошагаете до порога психиатрической клиники.

Работа также располагает богатым арсеналом средств освобождения нас от тягот счастливого существования. Нередко мы занимаемся делом, которое нам не по душе. Нас никто не заставляет заниматься им, просто так уж сложилось когда-то, потом стало привычкой, и теперь бросить его не легче, чем бросить курить. Тут, вообще-то, терпимое начальство, неплохой коллектив, сносная зарплата, а сами мы пристойно справляемся с привычными обязанностями. Да и от дома не слишком далеко. Стоит ли искать добра от добра,

рискуя потерять в зарплате, не вписаться в новое окружение или оказаться профессионально непригодным? Лучше уж оставить всё как есть. Конечно, на этой работе радости творчества ты не испытываешь, крылья у тебя так и не вырастут, ну да не всем же летать.

Впрочем, даже и с горячо любимой работой тоже далеко не всё просто. Слишком часто она ревнива, нетерпима и деспотична, как скверная жена. Она требует от нас полной самоотдачи, она не желает делить нас ни с кем, она заставляет нас думать о ней даже тогда, когда мы в театре, на хоккейном матче или когда у нас романтическое свидание.

Естественным состоянием для многих из нас давно уже является цейтнот: в рабочие часы мы не успеваем сделать всё, что запланировали, и потому часто работаем допоздна. Из-за этого нам хронически не хватает времени для сколько-нибудь нормального общения с женой и детьми, с родителями и друзьями, с искусством и природой, наконец, для того, чтобы просто побыть хоть немного наедине с собой. Чувства издёрганности, усталости, вины перед близкими делают нашу жизнь безрадостной. А ведь радость – одна из главных составляющих счастья.

Однако мы живём так годами и десятилетиями, считаем такую жизнь нормальной (ведь «так живут все») и в глубине души даже немного гордимся своей самоотверженностью, как красиво называем мы отсутствие счастья. И даже инфаркт не может заставить нас «остановиться, оглянуться».

Так хотим ли мы счастья?

Можно было бы сказать ещё о многом, что делает нас несчастными, но суть дела, думаю, уже ясна: несчастными мы чаще всего делаем себя сами, потому что в действительности мы и не хотим быть счастливыми.

Это не я придумал, это известно давно. Авторитетный психотерапевт Пауль Вацлавик, профессионально исследовав эту человеческую особенность, саркастически резюмировал: «Хватит дурачить самих себя всякими красивыми историями. Настала пора честно и прямо поставить вопрос: к чему бы мы все пришли и во что бы превратились, не будь у нас наших несчастий? Они нам просто чертовски, в полном смысле слова чертовски, необходимы». С афористической точностью эту мысль сформулировал Ошо Раджниш: «Обычно... мы думаем: «Что нужно, чтобы быть счастливым? Каждый хочет быть счастливым». Это абсолютно неправильно. Очень редко встречается человек, который хочет быть счастливым вопреки тому, что все постоянно говорят. Очень редко человек готов быть счастливым – люди столько вложили в своё несчастье. Они любят быть несчастными. Фактически они счастливы в своём несчастье» (книга «Храбрость. Радость жить, рискуя»).

– Но в чём проблема? – спросите вы. – Каждый имеет право представлять себе счастье по-своему. Если кому-то нравится быть несчастным, – пусть себе будет, нам-то что? В конце концов, это его личное дело. Почему все должны быть

счастливыми?

– Конечно же, – отвечу я, – права человека священны, в том числе и его право быть несчастным, но сегодня моё нежелание быть счастливым уже не является лишь моим личным делом, – оно затрагивает интересы многих других людей, в известной мере – всего человечества. Сегодня мы просто обязаны быть счастливыми.

Почему?

Глава 2

Почему мы не имеем права быть несчастными

Итак, один из парадоксов, связанных с человеческим счастьем, заключается в том, что большинство из нас ежедневно многое делает для того, чтобы не быть счастливым, причём делает это совершенно добровольно. Трудно избавиться от впечатления, что на самом деле мы очень хотим быть несчастными. Но сегодня мы просто не имеем права быть несчастными. Почему?

Поэтесса Марина Цветаева когда-то написала: «Счастливому человеку жизнь должна – радоваться, поощрять его в этом редком даре. Потому что от счастливого – идёт счастье».

Настоящим поэтам свойственно усматривать в жизни то, что только через время будет открыто наукой. Прошло чуть не целое столетие, – и справедливость этой мысли Цветаевой была подтверждена выводами учёных. Они выяснили, что счастье распространяется среди людей, как благотворный вирус. Радость одного человека может распространяться дальше и способствовать счастью людей, отстоящих на несколько степеней от него. По данным исследования, проведенного учёными из Гарварда и Университета Калифор-

нии в Сан-Диего Николасом Кристакисом и Джеймсом Фулером на основе опросов 5 тысяч человек и 50 тысяч их родных и знакомых, счастье является коллективным делом, и это ощущение во многом зависит от счастья друзей и даже счастья друзей друзей. «Так, если вы счастливы, вы увеличиваете шансы на счастье вашего близкого друга на 25 %, друга этого друга – на 10 %, и друга того друга – на 5,6 %», – констатируют исследователи.

Столетием раньше Цветаевой другой выдающийся поэт – высоко ценимый Пушкиным Евгений Баратынский – написал: «Богатство жизни – вера в счастье». Глубокая мысль, из которой следует, что, отказываясь верить в счастье, мы и себя лишаем этого богатства, и другим не помогаем стать богаче. Не потому ли и сегодня справедливы слова Эриха Фромма, написанные им всего три с половиной десятилетия назад в благополучных Соединённых Штатах Америки: «Мы представляем собой общество заведомо несчастных людей: одиноких, снедаемых тревогой и унынием, способных только к разрушению и постоянно ощущающих свою зависимость – людей, радующихся, если им удалось как-то убить время, которое они так усиленно стремятся сэкономить» (книга «Иметь или быть»)?

Мудрый политик Маргарет Тэтчер как-то заметила: «Нет общества – есть индивидуумы: мужчины, женщины и ещё семьи». Из этого следует: если не чувствуют себя счастливыми отдельные мужчины, женщины, семьи, то не может быть

счастливым и всё общество. Но и это ещё не самое главное.

В 60-е годы XX века многим мыслящим людям становится ясно, что человечество в своём развитии идёт по пути, который очень скоро приведёт его к глобальной катастрофе. Для того, чтобы избежать её, нужно было, прежде всего, проанализировать в общемировом масштабе текущие экономические, экологические, социальные, политические, культурные процессы, причём проанализировать объективно, а не с точки зрения интересов отдельных транснациональных корпораций, государств или военных блоков. Из понимания важности этой задачи и родился Римский клуб. Созданный в 1970 году, он объединил крупнейших мировых экспертов. Каждый подготовленный ими доклад получал большой резонанс в мире, изучался и использовался надгосударственными организациями, начиная с ООН, правительствами, общественными организациями, учёными.

Уже авторы одного из первых докладов, Михайло Месарович и Эдвард Пестель, отмечали, что избежать катастрофы помогут коренные экономические и технологические изменения в глобальном масштабе, но они возможны только в том случае, если «в ценностях и установках человека произойдут фундаментальные изменения, что приведёт к созданию новой этики и нового отношения к природе». Замечу: уже тогда так думали многие.

Основателем и первым президентом Римского клуба был итальянский учёный и бизнесмен Аурелиу Печчеи – яркая

личность с неординарной судьбой, мыслитель и подвижник. В 1977 году он написал книгу «Человеческие качества», в которой рассказал о себе, об истории создания Римского клуба, о своём понимании тех задач, которые стоят перед человечеством. Почему он дал книге именно такое название?

Прежде всего, Печчеи констатирует: «В мире никогда ещё не царил такой беспорядок, и никогда прежде не было такого количества различных опасностей для мира. Именно поэтому никогда прежде не было такого смятения в человеческой душе».

Что является главной причиной этого беспорядка? Печчеи отвечает: «...Нынешний глобальный кризис является прямым следствием неспособности человека подняться до уровня, соответствующего его новой могущественной роли в мире... Проблема в самом человеке, а не вне его, поэтому и возможное решение её связано с ним... Наиболее важным, от чего зависит судьба человечества, являются человеческие качества – и не только отдельных элитарных групп, а именно «средние» качества миллиардов жителей планеты».

Каково главное условие выхода из глобального кризиса? Печчеи пишет: «...если при сложившихся обстоятельствах не изменятся сами качества человека, то мы никогда не найдём никакого решения ни для одной из сложных проблем; если же нам удастся улучшить, усовершенствоваться, перед нами откроется такое широкое поле возможностей решения гуманистических задач, о которых ранее мы не могли

и помышлять».

Что нужно для этого? Основатель Римского клуба отвечает: «Если бы для решения этой задачи было необходимо немедленно менять человеческую натуру, положение было бы просто безнадежным. Нужна не биологическая, а культурная эволюция, и, хотя процесс этот может оказаться длительным и сложным, осуществление его вполне в пределах наших возможностей».

Подведём итоги: какова логика Фромма, Печчеи, Месаровича, Пестеля и их многочисленных единомышленников?

Проблема глобального кризиса – это проблема внутри человека, а не вне его. Судьба человечества зависит от внутренних качеств человека. Для того, чтобы выжить, человек должен радикально изменить эти свои качества и одновременно изменить свои ценности и установки, свою этику и отношение к природе и миру, свой образ жизни.

С этим трудно не согласиться, вот только не утопия ли это? Возможно ли всё это осуществить? А если возможно, то как именно? С чего начинать? Попробуем в цепочке человеческих качеств, о которых пишет Аурелиу Печчеи, выделить то главное звено, за которое, как принято говорить, можно вытянуть всю цепь.

Думаю, вы согласитесь со мной в том, что среди всего перечисленного, которое мы должны изменить в себе, главным началом является мораль, нравственность. Именно наша нравственность в решающей мере определяет наши идеа-

лы, ценности, поведение и через них – отношения с людьми, миром, природой, то есть почти всё то, что Печчеи называет «человеческими качествами».

Главные категории нравственности – это «добро» и «зло». Поэтому людей со всеми их многочисленными «человеческими качествами» мы делим, прежде всего, на добрых и злых. Наш основной инстинкт – инстинкт самосохранения – постоянно предупреждает нас: зло опасно, потому что агрессивно и разрушительно даже по отношению к его носителям. Глобальная катастрофа потому и стала возможной, что человек в своих отношениях с другими людьми, природой, миром далеко не всегда был добр.

Мы рождаемся добрыми, но потом не всегда руководствуемся исключительно добрыми соображениями, потому что ведь нужно быть «реалистом»; потому что в мире людей добро нередко воспринимается как слабость, наивность, глупость, простота; потому что другие могут злоупотребить нашей добротой; и т. д., и т. п. И эти опасения вполне можно понять. А когда мы не опасаемся быть добрыми?

Среди множества парадоксальных афоризмов Оскара Уайльда есть такой: «Когда мы счастливы, мы всегда добры, но когда мы добры, мы не всегда счастливы». Позднее мы ещё прокомментируем этот афоризм в его полном виде, но сейчас давайте остановимся на его первой части: «Когда мы счастливы, мы всегда добры». Это простая и очевидная истина. Вспомните моменты в своей жизни, когда вы были

счастливы: вам тогда хотелось обнять весь мир, вам хотелось сделать что-нибудь хорошее всем, и при этом вы не испытывали никаких страхов и опасений.

Что из всего этого следует? Логику ситуации можно выразить словами Эриха Фромма из его книги «Иметь или быть» (1976): «Впервые в истории физическое выживание человеческого рода зависит от радикального изменения человеческого сердца». Продолжая мысль Фромма, я скажу: человеческое сердце должно стать добрым, а для этого оно должно стать счастливым. К катастрофе мир привели несчастные люди, спасти мир смогут только люди счастливые. Вот почему сегодня счастье – это не просто личное дело каждого из нас, сегодня быть счастливым – это наш долг перед жизнью, перед Богом, перед детьми и внуками, перед самими собой.

– Ну, хорошо, – скажете вы, – мы ведь, вообще-то, не слишком сопротивляемся: кто же против того, чтобы быть счастливым? Но ведь для этого же нужны соответствующие условия. Сегодня уже хорошо известно, каким стандартам должно отвечать качество нашей жизни, чтобы обеспечить человеку возможность быть счастливым. И постепенно общество, особенно в передовых странах, движется к этому идеалу. Однако ещё и теперь для его достижения нужно изменить очень многое: экономический базис, наше технологическое и управленческое мышление, систему социальных отношений. На всё это понадобится Бог знает сколько де-

сятилетий, а жизнь-то проходит. Мы не можем ждать сотню-другую лет, пока создадутся условия, позволяющие нам стать счастливыми. Судя по научным прогнозам, у нас куда больше шансов дожидаться глобальной катастрофы.

Это действительно так, и дело не только в недостатке времени. Опыт истории показывает: мы можем провести существенные преобразования, можем даже осуществить целую революцию, но многое ли она изменит в нашей жизни?

В октябре 1917 года в Российской империи произошла революция, которую так ждала интеллигенция. Через год, в 1918-м, цвет русской мысли – Сергей Булгаков, Семён Франк, Пётр Струве, Павел Новгородцев, Вячеслав Иванов и ряд других – издают книгу «Из глубины. Сборник статей о русской революции», в которой подводят первые итоги великого социального катаклизма. В одной из статей («Духи русской революции») выдающийся философ Николай Бердяев пишет: «Русские люди, желавшие революции и возглавлявшие на неё великие надежды, верили, что чудовищные образы гоголевской России исчезнут, когда революционная гроза очистит нас от всякой скверны. В Хлестакове и Сквозник-Дмухановском, в Чичикове и Ноздрёве видели исключительно образы старой России, воспитанной самовластьем и крепостным правом. В этом было заблуждение революционного сознания, неспособного проникнуть в глубь жизни. В революции раскрылась всё та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полужвериная Россия харь и морд.

В нестерпимой революционной пошлости есть вечно-гоголевское. Тщетны оказались надежды, что революция раскроет в России человеческий образ, что личность человеческая подымется во весь свой рост после того, как падёт самовластье. Слишком многое привыкли у нас относить на счёт самодержавия, всё зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучили себя к безответственности. Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались. Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре. Нет уже старого самодержавия, а самовластье по-прежнему царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам. Нет уже старого самодержавия, нет старого чиновничества, старой полиции, а взятка по-прежнему является устоем русской жизни, её основной конституцией. Взятка расцвела ещё больше, чем когда-либо».

Читая эти строки, забываешь, что они написаны 100 лет назад. Так ли сильно изменилась наша жизнь за эти сто лет? Разве сегодня всё это не актуально? Разве и после недавней революции начала 1990-х не произошло то же самое, причём далеко не только в одной России? Разве Украина в этом отношении выглядит намного лучше?

Мы считаем, что стоит только измениться экономическим обстоятельствам, стоит только прийти к власти *нашей* партии, стоит только стать президентом страны *нашему* избран-

нику, стоит только парламенту принять пару *правильных* законов – «и будет всем нам счастье». Но меняются экономические обстоятельства, меняются у руля власти партии и президенты, принимаются новые законы, а счастья всё нет. Не потому ли, что на самом деле не так уж много зависит в нашей жизни от экономического уклада, от президентов, партий и законов? Куда чаще наше счастье зависит, например, от одного взгляда любимой. Причём, как предупреждал выдающийся экономист Герберт Маркузе, «если у вас не всё хорошо идёт с вашей девушкой, это не обязательно вина капиталистического способа производства».

Известный французский писатель начала прошлого века Жюль Ренар заметил: «Если бы строили дом счастья, самую большую комнату пришлось бы отвести под зал ожидания». С этим трудно не согласиться. Мы привыкли ждать, пока изменятся экономические, социальные и прочие условия и как-то сами собой наступят хорошие времена – вот тогда-то станем счастливыми и мы. Но это большое заблуждение, которое было очевидно мудрым людям уже много веков назад. Полтора тысячелетия тому мудрый Августин сказал: «Плохие времена, тяжёлые времена – вот что люди не устают повторять, но давайте жить хорошо, и времена станут хорошими. Мы и есть времена. Каковы мы, таковы и времена».

Кто-нибудь сейчас скажет мне: «Ну, не так уж много от нас и зависит: экономический уклад, например, обладает своим характером, который мало зависит от нас. капита-

лизм, скажем, он и есть капитализм».

Сегодня мы в постсоветском мире уже не понаслышке знаем, каков он, капитализм: всевластие богатеев, в одиночасье наживших состояния на разграблении национальных богатств; бесправие простых людей; цинизм власти; беззаконие; культ денег и т. д., и т. п. Но таков *наш* капитализм, таков же он ещё кое-где в Африке, кое-где в Латинской Америке. Когда-то капитализм был таким и в Европе. Но он уже давно совсем иной в Англии и Франции, Австрии и Финляндии, Японии и Австралии, США и Канаде.

И в связи с этим мне вспоминается, что в 1976 году, когда советская власть в СССР казалась незыблемой, известный американский журналист Джек Таннер сказал: «Ничто не могло бы больше дискредитировать капитализм, чем решение русских его испробовать». Это высказывание вошло в историю как «предсказание Таннера». Время убедительно подтвердило справедливость этого пророчества. Успешно дискредитировав социализм, мы взялись за строительство капитализма. Ныне уже нетрудно заметить, что русский капитализм (как и наш украинский) сильно отличается от европейского и далеко не в лучшую сторону. Но это *мы* его таким сделали. Перефразируя Августина, можно сказать: каковы мы, таков и наш капитализм.

– А может, такова наша «национальная карма»: всегда жить плохо? – спросит меня кто-нибудь из читателей. – Нет и быть не может никакой «национальной кармы», – отвечу я, –

и лучше всего это подтверждается примерами наций, оказавшихся на какое-то время разделёнными: некогда немцы, как некогда китайцы, как некогда вьетнамцы, жили в двух разных государствах с разным общественным строем. Ныне так живут корейцы. Две половинки одного и того же народа, и две поразительно разные судьбы: каждая половина сделала свой выбор.

Так, может, и каждый из нас может сам сделать свой выбор? Может быть, наше счастье зависит не столько от внешних условий, сколько от нас самих? Так сразу поверить в это нелегко, но вот что примечательно: в разные времена мудрые люди с уверенностью отвечали на этот вопрос утвердительно. Приведу только несколько примеров.

- Будда: «Думать, что кто-то другой может сделать тебя счастливым или несчастным, – просто смешно».
- Сократ: «Кто хочет сдвинуть мир, пусть сдвинет себя!»
- Авраам Линкольн: «Большинство людей счастливы настолько, насколько они решили быть счастливыми».
- Жан-Жак Руссо: «Единственное искусство быть счастливым – сознавать, что счастье твоё в твоих руках».
- Лев Толстой: «Человек должен быть всегда счастливым, если счастье кончается, смотри, в чём ошибся».
- Мохандас (Махатма) Ганди: «Если желаешь, чтобы мир изменился, – стань этим изменением».

Лауреат Нобелевской премии, математик, логик и фило-

соф Бертран Рассел в книге с характерным названием «Покорение счастья», изданной в 1930 году, писал:

«Счастье, кроме редких случаев, – это не то, что просто падает вам на голову. И для мужчин и для женщин счастье должно быть скорее достижением, чем подарком богов, и в этом достижении усилия, как духовные, так и физические, должны играть большую роль».

Наконец, Далай-лама XIV:

«Если ты несчастен и находишься в состоянии внутреннего хаоса, не обвиняй мир, так как он – это только твоё отражение. То, чем являешься ты, это и есть мир. Вылечи себя, и мир выздоровеет».

Итак, мы сами должны и можем сделать себя счастливыми, какими бы ни были наши нынешние обстоятельства. Трудно ли это? Стоит зайти в любой книжный магазин и взглянуть на его полки, чтобы понять: сделать себя счастливым никак не труднее, чем научиться сносно готовить, ухаживать за деревьями или клеить обои, и уж наверняка легче, чем похудеть. В самой скромной книжной лавке вы найдёте пару брошюр на тему «Как стать счастливым». Там всё написано.

Оказывается, начинать следует с того, чтобы захотеть стать таковым. Рик Фостер и Грэг Хикс в книге «9 шагов на пути к счастью» пишут: «Намерение – это активное желание и готовность быть счастливым. Это решение осознанно выбрать отношение и поведение, которое приведёт вас к сча-

стью». Им вторит автор книги «Вы можете выбрать своё счастье» Том Стивенс: «Решите сделать счастье своей основной целью».

Убедив нас в возможности стать счастливым, авторы многочисленных пособий предлагают нам различные методики, с помощью которых желаемое станет действительным. Джон Хайдт, профессор Виргинского университета в Шарлоттсвилле, учит своих студентов так называемой позитивной психологии. Студенты должны стать счастливыми за один семестр (иначе, наверное, не видать им счастья на экзамене по позитивной психологии). Методы осчастливливания могут быть разными. В книге «Гипотеза счастья» Джон Хайдт пишет, что люди «могут решить быть более благодарными и менее обидчивыми. Они могут научиться определять негативные мысли для того, чтобы бороться с ними. Например, когда кто-то противоречит вам, в уме вы выстраиваете целый обвинительный процесс, направленный против этого человека, но это очень вредно для отношений. Таким образом, следует научиться затыкать своего внутреннего адвоката и перестать строить такие обвинения против людей».

Майкл Маккалоу и Роберт Эммонс в книге «Психология счастья» также акцентируют внимание на том, как негативно влияют обиды на наше здоровье, на необходимости уметь прощать их. Авторы подробно описывают, какие мыслительные операции нужно проделывать, чтобы облегчить себе процесс прощения.

Психолог из Пенсильванского университета Мартин Селигман в своей книге с неприятным названием «Подлинное счастье» призывает делать ежедневно «упражнение благодарности», которое предусматривает перечисление некоторых вещей, вызывающих у нас благодарность. По его мнению, это упражнение отвлекает от горечи и отчаяния и усиливает ощущение радости.

По мнению ряда специалистов, очень полезно, например, по утрам постоять несколько минут у зеркала, улыбаясь себе, благодаря чему создаётся позитивная установка на весь день.

Я мог бы долго ещё цитировать такого рода издания, ибо, как писали в старину, «нести им числа». Стоит ли читать такие книги? На мой взгляд, стоит. В них можно обнаружить немало совсем не бесполезных советов касательно того, как лучше владеть своими эмоциями, как правильнее воспринимать неприятности, как эффективнее строить отношения с другими людьми и т. п. Следуя этим рекомендациям, мы можем сделать свою жизнь психологически более комфортной.

– И только? – спросите вы. – А как же счастье, обещаемое в каждом их заголовке? – А вот счастливыми они нас сделать не могут, – отвечу я. – И вот почему.

Давайте задумаемся: что делает невозможным наше счастье? – Несчастье, – сразу скажут многие из вас. – Это правильно только с точки зрения формальной логики, ведь «несчастье» – это антоним к слову «счастье». Но с точки зрения психологии это не так, ибо давно известно, что и в са-

мых тяжёлых обстоятельствах человек может быть счастлив. Кроме того, очень многие из нас либо вовсе ещё не пережили несчастий, либо давно уже не сталкивались с ними, однако счастливыми они себя всё же не чувствуют, а многие даже явственно ощущают себя несчастными. Главная причина тому – наши страхи.

Прежде всего, именно страх лишает нас возможности быть счастливыми. Страх у нас много: нас беспокоит наше финансовое состояние, наша работа, наша карьера, наши дети, наши родители, наше здоровье, ситуация в стране, политика правительства, угроза социальных потрясений и природных катаклизмов и многое другое. Самый главный из наших страхов – страх смерти. В молодости нам удаётся отмахиваться от него, с возрастом делать это всё труднее. Психологи единодушны в том, что мысль о смерти постоянно находится в нашем подсознании и определяет очень многое в наших переживаниях и поступках.

Со страхом смерти связаны и другие главные наши страхи и проблемы. О каком счастье в жизни можно говорить, если эта жизнь неминуемо должна закончиться смертью? Смерть лишает нашу жизнь не то что счастья, но даже элементарного смысла. Ощущение же бессмысленности жизни является, по мнению современной психиатрии, главной причиной человеческих неврозов.

Но есть ещё и третье главное проклятие человеческого существования – одиночество. С развитием цивилизации мы

отделились от природы, с развитием культуры мы отделились от Бога, с развитием человеческой индивидуальности мы отделились друг от друга. Далеко не всегда спасает брак, ибо слишком часто любовь со временем уходит из него, а на её место возвращается одиночество, только теперь уже одиночество вдвоём. Далеко не всегда спасают дети, ибо вскоре выясняется, что, родные и любимые, они всё же другие люди, живущие собственной жизнью; они быстро вырастают и уходят от нас, оставляя нам ещё более острое чувство одиночества или, как называют это психотерапевты, синдром покинутого гнезда.

Но если я испытываю страх смерти, страдаю от одиночества и ощущения бессмысленности жизни, то как бы долго и лучезарно я ни улыбался себе утром в зеркале для создания позитивного настроения, счастливым я не стану. Книжки из серии «Как стать счастливым» не могут помочь нам преодолеть наши главные страхи, а значит, никак не могут научить нас быть счастливыми. Тут нужно нечто большее: нужно понять природу этих страхов; нужно понять, как соотносятся они с реальной логикой жизни; нужно понять, что питает эти страхи и что может помочь преодолеть их. Вот только может ли тут хоть что-нибудь помочь?

А если наша жизнь оказывается запертой в «бермудском треугольнике» между смертью, бессмысленностью и одиночеством, то можно ли вообще говорить о возможности счастья? Не является ли тогда человеческое счастье лишь «злоб-

ным обольстителем», как однажды назвал его Пушкин («О счастье! злобный обольститель»)? А если так, то о чём эта книга и зачем вам её читать?

Глава 3

Кто я, о чём эта книга и зачем вам её читать

Мы закончили предыдущую главу весьма драматичными вопросами: если наша жизнь оказывается запертой в «бермудском треугольнике» между смертью, бессмысленностью и одиночеством, то о каком вообще счастье можно говорить? И если в этом и заключается логика человеческой жизни, то убеждаться в этом, читая несколько сот страниц, как-то не хочется. Для чего тогда нужна эта книга, и зачем вам её читать? Чтобы ответить на эти вопросы, я должен немного рассказать о себе и о том, почему эта книга была написана.

Мне 67 лет. Украинец. По образованию я филолог-руси́ст. Доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и компаративистики, декан филологического факультета Одесского национального университета имени Ильи Мечникова. Женат первым браком. У меня двое совсем взрослых детей и внучка девятнадцати лет.

Американцы говорят, что профессор – это человек, который однажды случайно попал в университет и не смог из него выйти. Если так, то я – типичный профессор. Почти 50 лет тому я пришёл учиться в Одесский университет имени Ильи Мечникова и задержался здесь на всю жизнь. Ла-

борант, аспирант, ассистент и так далее. И я искренно благодарен судьбе за это. Во-первых, потому, что я работаю в прекрасном классическом университете среди талантливых, интеллигентных, интересных людей. Во-вторых, потому, что я занимаюсь делом по душе. А ещё потому, что эта работа заставляла меня много читать, что, впрочем, я и сам всегда любил. Известный аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес однажды сказал, что рай должен быть чем-то вроде библиотеки. Если так, то я познал немало блаженства уже в этой жизни, ибо немало времени провёл за библиотечным столом.

Как и всем моим коллегам-литературоведам, мне довелось читать самые разные художественные тексты, а также работы по филологии, истории, философии, эстетике, искусствоведению. При этом обе мои диссертации, монография, почти все статьи посвящены исключительно проблемам литературоведения. Как же угораздило меня стать автором книги, посвящённой совсем не литературоведческой проблематике?

Наверное, начать нужно с одного стихотворения Фёдора Тютчева. Полтора века назад, 8 декабря 1870 года, в Москве умирает Николай Тютчев – брат великого поэта. Через три дня, сразу после его похорон, Фёдор Иванович напишет стихотворение:

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушёл, куда мы все идём,

И я теперь на голой вышине
Стою один, – и пусто всё кругом.

И долго ли стоять тут одному?
День, год – другой – и пусто будет там,
Где я теперь, смотря в ночную тьму
И – что со мной, не сознавая сам...

<...>

Дни сочтены, утрат не перечесать,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.

Я со студенческих лет знаю это стихотворение. В молодые годы оно, конечно же, воспринималось мной только как факт биографии великого поэта. Но вот на смену молодости пришла зрелость, вот уже ушли из жизни мои родители, а потом и старший брат. И когда однажды, уже на этапе зрелости, мне случилось перечитать это давно знакомое стихотворение, я вдруг остро ощутил: теперь это обо мне, теперь уже не Тютчев, а я сам «на роковой стою очереди».

Наверное, едва ли не каждый человек – кто раньше, кто позднее – совершает для себя это открытие, которое поселяет в душе чувство тревоги. Мы стараемся не думать об этом, мы с ещё большим рвением отдаёмся работе, загружаем себя разными житейскими делами, начинаем активнее заботиться-

ся о своём здоровье, но это не очень помогает: со временем тревога всё чаще напоминает о себе и всё больше подчиняет тебя себе.

Всем памятно классическое латинское выражение «memento mori» – «помни о смерти». В 1996 году в городе Микулов в Чехии установили скульптуру работы современного мастера Ярослава Рона: человек стоит на четвереньках, а на спине у него – огромный человеческий череп. Скульптура называется «Memento».

© Adam Jones, распространение по лицензии CC BY-SA 3.0

https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Parable_with_Skull_-_Sculpture_by_Jaroslav_Rona_-_Prague_Castle_-_Prague_-_Czech_Republic.jpg

Воплотивший идею художественный образ кажется мне вполне понятным: мысль о смерти тяжким грузом давит на нас, она ставит нас даже не на колени, а на четвереньки, уравни-

нивая нас с животными, которые тоже смертны. Жить в таком положении трудно и унижительно. Не зря ведь известный философ Владимир ЭРН столетием раньше сказал: «Смерть есть величайшее из всех возможных видов рабства».

Нечто подобное чувствовал теперь и я. Мысль о смерти мешала мне жить так, как я привык. Она стала занимать в моей внутренней жизни больше места, чем мне хотелось бы. В какой-то момент я понял, что пришло время принять этот вызов и чётко определить своё отношение к ней, а для этого мне нужно было попытаться понять, что она собой представляет. Решившись на это, я, по давней привычке учёного педанта, начал с «истории вопроса» и обратился к литературе по психологии, философии, эзотерике, медицине, истории культуры.

Скажу честно: поначалу мне приходилось заставлять себя заниматься этой проблемой. Я люблю жизнь, умею радоваться самым обычным её проявлениям. Как у всякого обыкновенного нормального человека, мысль о смерти вызывала у меня неприятие. Хотелось, как всегда, отмахнуться и просто не думать о ней. Но я убеждал себя доводами вроде того, что биолог ведь не может позволить себе сказать: не буду изучать лягушек, потому что они скользкие, холодные и противные. И я продолжал работу.

Чем больше я узнавал о смерти, тем яснее понимал, что с ней всё не так однозначно и – неужели? – не так беспросветно ужасно, как мне представлялось до сих пор. Зародившаяся

ся смутная надежда придала мне энтузиазма. Теперь мне уже не нужно было принуждать себя заниматься этой проблемой.

Я не хотел обманывать себя утешительной ложью: мне нужна была правда о том, что такое смерть, какой бы эта правда ни была. Поэтому в своих поисках я стремился быть максимально объективным, а потому старался обратиться к самым разнообразным материалам. Я изучал представления о жизни и смерти, сформированные различными религиями. Я читал тексты, известные как «Египетская книга мёртвых» и «Тибетская книга мёртвых». Я изучал труды современных восточных учителей, смотрел записи их телевыступлений. Я выяснял, как понимали смерть великие философы – от Лао-цзы и Сократа до Тиллиха и Фромма. Я хотел понять, что думает об этом нынешняя физика. Я читал работы современных психологов и медиков по проблемам смерти и околосмертного опыта. Обширный научный материал по этой проблематике соединялся в моих представлениях с уже известным мне материалом биографической и художественной литературы. Чем больше я знакомился с этими разнообразными источниками, тем глубже и удивлённее убеждался в том, что они не столько противоречат, сколько дополняют и подтверждают один другой.

Поначалу меня это удивляло и настораживало: может ли это быть? не кажется ли это мне, дилетанту? не теряю ли я объективность? не подгоняю ли я факты под желаемые мне выводы? Однако вскоре выяснилось, что так обычно и про-

исходит с теми, кто исследует проблему смерти. Приведу два примера. В 1927 году выдающийся психолог Карл Густав Юнг знакомится с английским переводом «Тибетской книги мёртвых», созданной больше тысячи лет назад. Она произвела на него очень глубокое впечатление. Как пишет переводчица этой книги на русский язык Ольга Туманова, Юнг «написал «Психологический комментарий» для её немецкого издания, в котором дал глубокий анализ содержания этой книги и показал, насколько глубоко проникли мудрецы Востока в тайны жизни и смерти и насколько выше их знание человеческой психики по сравнению с представлениями европейцев». И это пишет Юнг, весьма критично относившийся даже к учению великого Фрейда!

И второй пример. В 1992 году выходит в свет «Тибетская книга жизни и смерти», написанная Согьялом Ринпоче – одним из самых выдающихся тибетских учителей XX столетия. В 2012 году, когда она была издана на русском, эта книга вышла уже в 54 странах на 26 языках. В ней Согьял Ринпоче излагает знания о смерти, не только выработанные в Тибете много столетий тому, но и полученные современными европейскими и американскими психологами, психотерапевтами, врачами. Сегодня эта книга включена в программы многих медицинских университетов мира, она активно используется в самых разных странах во врачебной практике.

Такие примеры были очень важны для меня. Если и в представлениях столь глубоких мыслителей, как Карл Густав

Юнг и Согьял Ринпоче, так органично может соединяться и дополнять одно другое знание, древнее и новейшее, восточное и западное, эзотерическое и экспериментальное, то дело, значит, не в моей субъективности.

Постепенно в ходе работы россыпь отдельных фактов неуклонно и всякий раз неожиданно для меня складывалась в целостную и всё более чётко прописанную картину. Неуклонно и неожиданно вместо безотрадного представления о смерти как полном крахе и разрушении жизни вырисовывалась исполненная смысла и логики картина бесконечной жизни, включающей в себя и смерть как один из своих этапов, пусть даже довольно драматичный. Для меня как человека, имеющего отношение к науке, особенно важно было то, что такое понимание жизни и смерти подтверждалось и результатами самых современных клинических и экспериментальных исследований.

Я должен был радоваться этому открытию, я хотел радоваться ему, но что-то мешало мне: меня не оставляли сомнения в том, что в чём-то я всё же ошибся, что где-то принял желаемое за действительное, слишком уж это представление о смерти отличалось от того, в котором я был воспитан. В какой-то момент мне стало ясно: для того, чтобы обоснованно и объективно определить свою точку зрения на проблему смерти и своё отношение к ней, я должен подробно изложить на бумаге все аргументы «за» и «против» привычного стереотипа, сформулировать отношение к нему современ-

ной науки и тогда уже принимать решение. И я начал писать что-то вроде эссе о природе смерти.

Пишущие люди знают: как бы долго ты ни работал над проблемой, не верь, начиная писать, что тебе уже всё ясно в ней и осталось только изложить это «всё» на бумаге. Каждый абзац заставляет тебя убедиться в том, что полной ясности ещё нет, а потому даётся с трудом, но благодаря этому труду каждый абзац делает твоё понимание чуть более ясным. В конце концов, твоё понимание природы смерти полностью проясняется во всей своей новизне и неожиданности. И когда ты ясно осознаёшь, что смерть – это органичная часть вечной жизни, тебе начинает открываться настоящая логика жизни, которую ты до сих пор не знал, да и вряд ли смог бы понять.

В свете этой логики многое в жизни начинает выглядеть иным, чем раньше, и ты начинаешь понимать то, чего не понимал и не мог бы понять раньше. Теперь я начал постигать, почему многие мудрые люди не боялись смерти, почему, по их мнению, взгляд именно сквозь призму смерти (*memento mori*) открывает настоящий смысл жизни, её истинную красоту, её подлинные ценности. Я понял, почему мудрые люди говорят, что смерти боится только тот, кто боится жизни. Много размышлявший об этом Лев Толстой заметил: «Вспоминать о смерти – значит жить без мысли о ней. О смерти нужно не вспоминать, а спокойно, радостно жить с сознанием её постоянного приближения».

Ещё не так давно эта фраза Толстого была мне совершенно непонятна. Теперь мне легко было понять её. Ещё недавно и сам я периодически *вспоминал* о смерти, и каждый раз эта мысль отравляла мне жизнь. Теперь же я жил, сознавая постепенное приближение смерти, но это не мешало мне жить спокойно и радостно, потому что я перестал бояться её. Избавиться от главного из человеческих страхов – это, как говорится, «дорогого стоит». Мне казалось, что я действительно поднялся с четверенек и снова, как в юности, когда смерти для нас ещё нет, стал homo erectus – человеком прямоходящим. Это была совсем иная жизнь.

Она стала совсем иной ещё и потому, что новое понимание природы жизни и смерти открыло для меня путь решения некоторых других важных проблем, прежде всего – проблем одиночества и смысла жизни. В итоге, благодаря новому знанию, моя жизнь вырвалась из сжимавших её оков смерти, одиночества и бессмыслицы. На собственном опыте я убедился в том, что роковой «бермудский треугольник» из трёх главных экзистенциальных страхов может быть преодолен, а если так, то теперь могут быть побеждены и другие страхи.

И я спросил себя: может, это и есть счастье? Достаточно ли нам освободиться от наших страхов, чтобы чувствовать себя счастливыми, или нужно что-то ещё? Весь мой опыт подсказывал, что отсутствие страхов – это главная предпосылка нашего счастья, это, так сказать, «контрольный пакет»

счастья, но, видимо, ещё не всё счастье. Я чувствовал, что счастье уже совсем близко, осталось пройти совсем немного, но как найти дорогу к нему?

– А что тут искать? – удивится кто-то из читателей, как удивился когда-то мой собственный внутренний голос. – Можно подумать, что мы совсем не догадываемся о том, что такое счастье. Да спросите вы подряд людей на улице, и они в один голос скажут вам: счастье – это деньги, это удовольствия, это успех, это любовь, это дети, это здоровье, это свобода. А уж если у тебя есть всё это вместе, то тут вообще никаких сомнений быть не может – ты достиг полного счастья. И разве это не так, а?

Ещё недавно я и сам так думал, но чуть приоткрывшаяся мне в размышлениях о наших главных страхах логика жизни подсказывала: нет, это не так. Ответьте мне, пожалуйста, г-н читатель, на простой вопрос: чего из всех перечисленных условий счастья не хватало, скажем, блестящей певице Уитни Хьюстон, смерть которой в недалёком прошлом потрясла миллионы людей? Красивая, ещё совсем молодая, талантливая, успешная, уже заработавшая кучу денег, собравшая больше всех в мире музыкальных наград и премий, исполнительница самого популярного сингла в истории музыки и т. д., и т. п. У неё было всё, что нужно для счастья, не правда ли? А теперь скажите: почему такой редкостно счастливый по всем вашим меркам человек должен был умереть в 48 лет от давнего пристрастия к алкоголю и наркотикам?

И ведь она не исключение: я мог бы привести ещё много подобных примеров.

Выходит, что деньги, удовольствия, любовь, свобода, успех, здоровье – это ещё не счастье? А что тогда такое «счастье»? И разве оно возможно без всего этого? Такое даже представить трудно, правда?

Стало ясно, что нужно снова отправляться на поиски – теперь уже на поиски дороги к счастью. Как и в поисках, связанных с главными страхами, вся надежда была на людей, которые уже нашли для себя эту дорогу. Я понимал, что несомненно были и есть такие люди, которые для себя решили эту проблему и решили так, что их ответ совпал с ответом в конце учебника логики жизни. Их мнения должны были помочь и мне в моих поисках.

И снова – теперь уже в поисках счастья – я погрузился в «историю вопроса», то есть в разнообразные источники, относящиеся к самым разным временам и культурам. И вновь меня удивило сходство мнений, высказанных в них, сейчас даже ещё большее, чем тогда, когда я изучал проблему смерти. Читая в той или иной книге о тех или иных вещах, связанных со счастьем, я часто думал: эту мысль я уже встречал, причём не один раз, у других людей. Всё яснее становилось мне, что Будда и Моисей, Конфуций и Сократ, Гомер и Сенека, Христос и Мухаммед, Августин и Франциск, Данте и Ду Фу, Шекспир и Басё, Пушкин и Шевченко, Шопенгауэр и Бертран Рассел, Герман Гессе и Халил Джебран и

ещё очень многие из тех, кого называют «цветом человечества», оказывается, весьма схоже представляли себе человеческое счастье и видели пути его достижения.

Я открыл это для себя лишь сейчас, но вообще-то известно это было уже давно. Уже после того, как была написана эта глава, мне встретилось в книге Эриха Фромма «Здоровое общество» такое высказывание: «Эхнатон, Моисей, Конфуций, Лао-цзы, Будда, Исайя, Сократ, Иисус утверждали одни и те же нормы человеческой жизни лишь с небольшими, незначительными различиями». А ещё в XVIII веке английский философ Энтони Шефтсбери считал истину жизни достоянием не одних только великих людей: «Все разумные люди исповедуют одну религию. Правда, они не говорят, какую именно». Говоря о религии, известный мыслитель века Просвещения имел в виду, конечно же, не веру в Бога, а мировоззрение в целом. Так вот: что касается, так сказать, «религии счастья», – она действительно оказывалась единой для очень многих мудрых людей самых разных стран и эпох. И объясняется это тем, что все эти люди поняли логику жизни, а она едина и мало зависит от реалий конкретного исторического времени и географического пространства. Это не какое-то мистическое и непостижимое знание – оно вполне рационально, изложено в тысячах книг и постигается не труднее, чем органическая химия или английская грамматика. Когда-нибудь это знание будут учить постигать в школах и университетах.

Я шёл тем же путём поисков, каким шёл, когда меня интересовала проблема смерти, но теперь уже я сразу оформлял свои поиски в виде текста, который можно перечитывать, обдумывать, делать более понятным и убедительным для себя. И снова работа над каждым абзацем помогала яснее понять логику ситуации, а каждая глава открывала новый поворот на пути поисков. Я не писал книгу по заранее составленному плану – я описывал ход своих поисков. Сама книга была этим поиском.

Я пришёл к убеждению, что изучение опыта множества мудрых людей, в своё время познавших логику жизни, позволяет и каждому из нас открыть её для себя. Когда я смог самому себе вразумительно объяснить то, что раньше было для меня непонятно, когда я перестал бояться, когда я избавился от иллюзий, когда я благодаря этому смог установить гармоничные отношения с самим собой, с другими людьми, с миром, – моя жизнь стала другой. Конечно, я не стал Просветлённым, как Гаутама Будда, ведь такое просветление едва ли возможно для человека, который живёт не в лесу под деревом Бодхи, а в большом городе, и занят не одной лишь медитацией, а должен ходить на работу, решать различные производственные и житейские вопросы. Я не стал просветлённым, но жизнь моя стала неизмеримо светлее, чем прежде. Думаю, у меня есть достаточно оснований считать её счастливой.

– Ясно, – скажет догадливый читатель, – профессор хочет

предложить нам курс лекций о том, как великие люди в разные времена представляли себе логику жизни и счастье, и агитировать за то, чтобы и мы понимали их точно так же. Но ведь Сократ и Шекспир жили в незапамятные времена, когда жизнь была совсем иной, когда и счастье представляли себе совсем иначе, – что они могут дать нам для понимания современной жизни и нашего сегодняшнего счастья? Впрочем, даже и те, кто жил недавно, – это всё же совсем другие люди, не такие, как я. Так неужели же их счастье может подойти лично мне и каждому из нас?

– Мне понятны эти сомнения, – отвечу я. – Большинство из нас – шовинисты от истории. В глубине души мы убеждены в том, что все жившие до нас – неудачники уже потому, что они не знали Интернета и мобильных телефонов. Им просто не повезло, и потому мы смотрим на них если даже и с уважением, то всё же немного свысока, как столичный житель на родственников из деревни. Но чем больше узнаёшь о жизни в прежние эпохи, тем больше понимаешь, что люди тогда по сути своей мало чем отличались от нас, они жили теми же проблемами, которыми живём сегодня мы: они страдали от любви и от безденежья, жаловались на бездарную власть и непутёвую молодёжь, искали счастье и смысл жизни. Я читаю книги, написанные очень давно, и часто встречаю там людей, знакомых мне по сегодняшней жизни. Разве быстро разбогатевший вчерашний раб Трималхион, красочно описанный в «Сатириконе» Петронием Арбитром, – не

живой портрет современного «нового русского» или «нового украинца»? А ведь «Сатирикон» написан двадцать веков тому назад. Другой пример: поэт с тревогой думает о том, как бы

...убрать
Чиновников с дороги,
Грабящих
Измученный народ.

Эти строки вполне могли быть написаны сегодня и у нас. Но они написаны в VIII веке великим китайским поэтом Ду Фу.

Больше того, люди прежних эпох были не просто такими же, как мы, – они нередко были совершеннее нас. Мы не можем объяснить сегодня, как люди в очень далёком прошлом создавали египетские пирамиды и Стоунхендж, города инков и скульптуры на острове Пасхи. Мы не можем объяснить, как они могли уже тогда получить такие знания о строении мироздания, о жизни и смерти, которые мы сегодня по крупицам открываем с помощью самой сложной новейшей техники. И дело не только в знаниях и технологиях.

Вот, например, в средневековой Японии мы видим такую утончённость вкусов, такое умение ценить прекрасное и в природе, и в нравах людей, и в предметном окружении, что кажется, мы и сегодня не достигли ещё такой утончённости, а точнее – такого умения видеть красоту мира, ценить её и

искренно радоваться ей. Наместник отдалённой от столицы провинции сообщает императору о том, что в первой декаде октября в его местности очень красивые закаты. И весь императорский двор отправляется туда: через труднопроходимые леса и горы, опасаясь диких зверей и разбойников, претерпевая непогоду и холод, подолгу испытывая неудобства кочевой жизни, – только для того, чтобы несколько вечеров полюбоваться красивыми закатами, а потом отправиться в нелёгкий обратный путь. И это в X веке! Способны ли мы сегодня на такое?

Прогресс цивилизации, делающей нашу жизнь всё более удобной, часто рождает в нас иллюзию о том, что вся жизнь – это сплошной прогресс. Но ещё остроумец Станислав Ежи Лец советовал: «Когда кричат «Да здравствует прогресс!» – всегда спрашивай: «Прогресс чего?». Когда речь идёт о духовных ценностях, о культуре, понятием «прогресс» нужно пользоваться с особой осторожностью.

В 1922 году поэт Осип Мандельштам пишет статью «О природе слова», в которой рассматривает проблему прогресса в литературе. Позиция поэта ясна и недвусмысленна: «Теория прогресса в литературе – самый грубый, самый отвратительный вид школьного невежества. Литературные формы сменяются, одни формы уступают место другим. Но каждая смена, каждое приобретение сопровождается утратой, потерей... Где у автора «Войны и мира» прозрачность формы... «Детства и отрочества»? Автор «Бориса Годуно-

ва», если бы и хотел, не мог повторить лицейских стихов, совершенно так же, как теперь никто не напишет державинской оды. А кому, что больше нравится – дело другое. Подобно тому, как существуют две геометрии – Эвклида и Лобачевского, возможны две истории литературы: одна, говорящая только о приобретениях, другая – только об утратах, и обе будут говорить об одном и том же». Сказанное о литературе в полной мере приложимо ко всей культуре. И её история – это история одновременно как обретений, так и потерь. И потому сегодня мы – при всей своей «продвинутости» – не знаем и не понимаем многого из того, что знали и понимали люди много веков тому назад.

Мы сегодня живём комфортнее, чем наши дедушки и бабушки, но лучше ли мы понимаем жизнь, чем они? Едва ли. Уже в XX веке выдающийся философ Лев Шестов писал об этом без тени сомнения: «*В последних вопросах бытия* мы несколько не ближе к истине, чем самые отдалённые предки наши. Это всем известно» («Апофеоз беспочвенности», 1919). А если так, то к их мнениям стоит прислушаться, тем более, что это мнения людей неординарных, по-настоящему мудрых.

При этом я подчёркиваю: прислушаться, а не послушно присоединиться. Прав был догадливый читатель: нет и не может быть никакой «общей теории счастья», а потому я не смогу прочитать вам курс лекций по этой теории, даже если бы мог и хотел этого. Европейский человек вот уже два сто-

летия отчётливо осознаёт себя индивидуальностью, то есть созданием уникальным, неповторимым, непохожим на других. «Не сравнивай: живущий несравним», – написал поэт Осип Мандельштам. И как неповторимы наши внешность, характер, судьба, – так же неповторимо и счастье каждого из нас. А значит, просто «списать» его у кого-нибудь из мудрецов прошлого, как мы списывали когда-то на уроке контрольную у соседа-отличника, невозможно.

И это тоже давно известно. Тот же Лев Шестов писал: «Люди обращаются к философам за общими принципами. И так как философы тоже люди и сообразуют своё производство с потребностями рынка, то они большей частью и занимаются изготовлением общих правил. Меж тем является вопрос: какой толк в общих правилах? Почти одновременно с вопросом приходит и ответ: никакого. Природа повелительно требует от каждого из нас индивидуального творчества. Люди не хотят этого понять и всё ждут от философии последних истин, которых не было, нет и никогда не будет. Истин столько, сколько людей на свете. Да почему бы, в самом деле, каждому взрослому человеку не быть творцом, не жить на свой страх и не иметь собственного опыта? Детей, подростков, даже юношей можно водить на помочах, учить. Но совершеннолетних, ищущих указки, следует всячески клеймить и порицать. В них говорит лень и трусость. Они боятся попробовать и потому вечно ходят за советами к мудрецам. Мудрецы же без колебания берут на себя ответствен-

ность за жизнь других. Они выдумывают общие правила, как будто им в самом деле доступны источники познания, закрытые для обыкновенных смертных. Пустое!.. Горе тому, кто вздумал бы строить свою жизнь по Шопенгауэру, Гегелю, Толстому, Шиллеру или Достоевскому! Их можно и даже должно читать – но жить надо своим умом... Значит, выхода нет! Хочет человек или не хочет, рано или поздно придётся ему признать непригодность всякого рода шаблонов и начать творить самому» («Апофеоз беспочвенности»).

Прошло сто лет, и нынешний русский философ Валерий Губин в своей глубокой работе «Жизнь как метафора бытия» (2003) пишет о том же: «Нет никаких истин вообще, есть истина, добытая живым человеком в его личном опыте. И только в этом случае она будет истиной, а не абстрактной научной или философской идеей. Найти истину в мёртвом и неподвижном мире, в котором только и умеет властвовать рационализм, невозможно. Истина сделана не из того материала, из которого формируются идеи. Она живая, у неё есть свои требования и вкусы, она больше всего боится того, что на нашем языке называется воплощением, – боится так, как всё живое боится смерти. Оттого её может увидеть только тот, кто ищет её для себя, а не для других».

Никто за вас самих не найдёт для вас ваше счастье. Только вы сами можете это сделать. – А можем ли? – спросит кто-нибудь из читателей. – Можем, – уверенно отвечу я вслед за очень многими людьми. Мы должны быть счастливы, и мы

можем быть счастливы. И первое, чего я хочу добиться этой книгой, – это защитить идею счастья от ленивых нытиков, от трусливых циников, а также от лукавых спекулянтов, зарабатывающих на нашем неумении быть счастливыми без помощи других.

Мы можем найти счастье, потому что это удалось уже очень многим людям, жившим в самые разные времена и в самых разных странах, великим и самым обыкновенным, всемирно знаменитым и совсем безвестным. Можем, потому что и сегодня это удаётся очень многим людям.

Это не очень просто, ибо путём поисков нужно пройти самому. Но это не безнадежно трудно, потому что этим путём прошли уже многие люди, и их мнения станут для нас ориентирами, которые помогут нам дойти до цели. Поэтому вторая моя задача – познакомить вас с этими мнениями. Я сознательно перенасытил эту книгу цитатами: мне хотелось, чтобы вы ознакомились с опытом не одного только мало кому известного и мало кому интересного человека, а с мнениями многих выдающихся людей, к которым стоит прислушаться. Каждое из них может стать личным мнением кого-то из вас, а может и не стать, – всё зависит от вас самих: если чужая истина соответствует вашему личному опыту, если при знакомстве с ней вас пронизывает ощущение «да, со мной это тоже было! и у меня это было именно так!», «господи, до чего же это верно!», – значит, теперь эта чужая истина стала вашей собственной истиной. Но, так или иначе, эта книжка

ПОМОЖЕТ ВАМ В ВАШИХ СОБСТВЕННЫХ ПОИСКАХ, ЕСЛИ, КОНЕЧНО, ВЫ ИЩЕТЕ В ЖИЗНИ ЧТО-НИБУДЬ, КРОМЕ ЕДЫ, ДЕНЕГ И РАЗВЛЕЧЕНИЙ.

Глава 4

Богатство и счастье: привычные стереотипы в зеркале социологии и психологии

Как известно, ничто не вечно под Луной: всё со временем ветшает, разрушается, исчезает. Если что-то и может претендовать на сверхпрочность, так это человеческие стереотипы – давно сложившиеся устойчивые представления. Многие психологи считают, что разрушить стереотип вообще невозможно, можно только выстроить другой рядом с ним.

И впрямь трудно всё-таки отказаться от того, во что верил много лет, во что верит большинство окружающих. И потому трудно понять, зачем нам рыться в старых и новых книгах, если каждый из нас и без того прекрасно знает, что ему нужно для счастья. Мы ведь не просто знаем это – мы уже давно каждый день с утра до вечера только тем и занимаемся, что добиваемся счастья. Мы работаем, чтобы стать богаче, чтобы удовлетворить нужды семьи, чтобы продвинуться по служебной лестнице, чтобы достичь успеха; мы стремимся дать хорошее образование своим детям, мы участвуем в делах общества, мы даже стараемся вести здоровый образ жизни, чтобы жить долго и не болея. И так живут все нормальные люди, потому что все нормальные люди знают, что

нам нужно для счастья. Разве не так?

Всё так, всё логично, вот только счастье, как и многое другое в нашей жизни, – вещь во многом парадоксальная. Парадокс – это мнение, расходящееся с общепринятым, противоречащее обыденному здравому смыслу, но не противоречащее логике. В чём же парадоксальность нашего счастья?

Всем известно, что счастье – это богатство, власть, успех, любовь, дети, свобода, знания, здоровье. Мы всё делаем для того, чтобы добиться этих замечательных вещей. И нередко нам это удаётся. Но парадокс в том, что то, чего мы так долго добивались, часто не только не приносит нам счастья, но даже становится причиной наших несчастий. Вспомним судьбу Уитни Хьюстон, о которой я вспоминал в конце прошлой главы.

– Так что же тогда – отказаться от всего этого? Согласиться с тем, что лучше – наоборот – быть бедным, ничтожным, зависимым, необразованным и больным? – раздражённо спросит меня читатель. – Нет, конечно же, – отвечу я, – ведь богатство, как и успех, любовь, знание и всё прочее, далеко не всегда оказывают на судьбу человека пагубное влияние. Некоторым они вовсе не мешают и даже помогают быть счастливыми.

Мне, например, кажется, что биография Уитни Хьюстон во многом удивительно схожа с биографией другой выдающейся американской певицы – Тины Тёрнер. Они поднимались к успеху по одним и тем же ступеням, но судьба замет-

но меньше благоволила «Крошке Энн», как в начале своего творческого пути звалась Энн Мэй Баллок, ныне известная всему миру под сценическим псевдонимом «Тина Тёрнер». Юной Уитни Хьюстон, у которой уже крёстной матерью была легенда американского соула – Арета Франклин, гораздо легче было войти в мир шоу-бизнеса. Сегодня, после смерти Уитни, все её несчастья обычно связывают с неудачным браком, длившимся 15 лет. Но ведь и Тине Тёрнер довелось пережить неудачный брак, длившийся 16 лет. Обе певицы страдали от мужей, пристрастившихся к наркотикам. Но всё же Уитни рассталась со своим куда более благополучно, чем Тина, которой пришлось буквально бежать от него с 36 центами в кармане, несколько месяцев скрываться от бывшего мужа у разных друзей, а потом ещё долго выплачивать долги за несостоявшийся из-за её побега концертный тур. Несмотря на всё это куда более удачливая Уитни алкоголем и наркотиками убивает себя в 48 лет, а значительно менее везучая Тина, снова начав всё почти с нуля, добивается многомиллионного состояния и всемирной славы. На восьмом десятке лет она выглядит гораздо моложе своего возраста, на сцене Тёрнер поражает своей энергией и пластичностью. В 73 года Тина Тёрнер выходит замуж за человека, которого давно любит и с которым собирается жить долго и счастливо в их швейцарском доме.

Такие похожие биографии – и такие разные судьбы. Обе обладали талантом, красотой, артистичностью, трудолюби-

ем. Обе добились денег, славы, признания, любви. Но одну это погубило, а другую сделало счастливой.

Значит, богатство, успех, любовь ещё не гарантируют нам счастье, а потому добиться их – ещё не главное. В каждом книжном магазине вы найдёте книжки, рассказывающие о том, как стать богатым. Но проблема заключается в том, что можно всю жизнь добиваться богатства, наконец, даже добиться его, а потом понять, что богатым-то ты стал, а вот счастливым – нет. Это одна из тех ситуаций, суть которых известный американский мифолог Джозеф Кэмпбелл образно обозначил так: добраться до вершины лестницы и обнаружить, что она стоит не у той стены. И это вовсе не тайна – это известно людям с незапамятных времён. В XVIII веке французский философ Поль Анри Гольбах сформулировал этот секрет Полишинеля с афористической точностью: «Недостаточно быть богатым, чтобы быть счастливым, надо ещё уметь пользоваться богатством». Но это дано далеко не всем.

Богатые европейцы в поисках счастья нередко отправляются на Восток. Обращаясь к приехавшим в его ашрам неподалёку от Бомбея, Ошо Раджниш полвека назад сказал: «Если бы не ваши деньги, вас бы здесь не было. И вы пришли именно потому, что устали от своих денег. Вам надоел успех. Вы здесь потому, что разочаровались в жизни. Нищий сюда не придёт, он всё ещё на что-то надеется» (книга «Автобиография духовно неправильного мистика»).

Но если одно и то же богатство может сделать нас несчастными, а может сделать и счастливыми, значит, дело не в самом по себе богатстве, а в нас самих. Видимо, очень часто мы делаем что-то не так, как нужно было бы, если даже такие хорошие вещи не помогают нам стать счастливыми. Но что именно мы делаем не так? И как же достичь того, чтобы всё, с чем мы привычно связываем счастье – богатство и власть, успех и любовь, дети и общественная деятельность, знания и здоровье – действительно приносило бы нам счастье?

Для этого мы, прежде всего, должны понять, что же представляет собой каждая из этих таких привлекательных вещей, какие ресурсы счастья и несчастья она в себе скрывает, почему обретение их так часто оборачивается для нас разочарованием. Мы должны понять, как связаны эти вещи с главными страхами нашего бытия – страхами бессмысленности жизни, одиночества и смерти. Мы должны понять, как освободить нашу жизнь от этих страхов. Наконец, нам нужно понять, как пользоваться этими вещами в жизни, уже свободной от страхов.

Вот об этом я и буду говорить в данной книге. Это будет вовсе не курс лекций, уже потому, что вам нужны не философия и психология в систематическом изложении, а решения ваших конкретных жизненных проблем. Я не собираюсь ни проповедовать, ни поучать – для этого у меня нет ни права, ни желания. Я хочу поделиться с вами тем, что в своих поисках нашёл для себя. Я хочу познакомить вас с тем, что

думали о счастье и о вещах, имеющих к нему отношение, разные люди в разные времена, познакомить вас с их опытом решения тех жизненных проблем, которые приходится решать каждому из нас. С чем-то вы согласитесь, с чем-то – нет. Важнее то, что, знакомясь с чужим опытом, вы сможете осознать и переосмыслить свой собственный опыт, а это поможет вам найти свои ответы на вечные вопросы бытия и, надеюсь, сделать свою жизнь счастливой.

С чего начнём? Конечно же, с разговора о богатстве, потому что для подавляющего большинства из нас счастливый человек – это, прежде всего, богатый человек. Так повелось исстари. Народная мудрость гласит: «Кто запаслив, тот и счастлив». Как выяснили учёные, для народного сознания даже если счастье и не сводится к одному только богатству, то вовсе без богатства оно совершенно невозможно. Богатство – это для нас, прежде всего, деньги.

Что именно делают для нас деньги? Почему именно с ними искони ассоциируется человеческое счастье? Попробуем выделить самое главное.

- Деньги исполняют наши желания, доставляя нам разнообразные удовольствия, а ведь именно в этом для многих заключается счастье.

- Деньги позволяют нам лучше питаться, меньше работать, больше и интереснее отдыхать, качественнее лечиться, а значит сделать свою жизнь более комфортной, приятной,

здоровой, безопасной и долгой.

- Деньги дают нам ощущение того, что почти всё в самых разных сферах нашей жизни находится под нашим контролем. Эта уверенность особенно важна для нас, когда речь идёт о проблемах, связанных с нашей работой. Как не раз отмечали экономисты и психологи, владение ресурсами, важнейшим из которых являются деньги, помогает решить практически любую проблему в бизнесе, что избавляет нашу деятельность от многих стрессовых ситуаций.

- Деньги позволяют нам обеспечить настоящее и будущее своих детей и внуков, что для большинства из нас жизненно важно.

- Деньги позволяют нам меньше зависеть от переменчивых житейских обстоятельств и от не менее переменчивых отношений с другими людьми, даря нам столь дорогие для каждого человека независимость и свободу от них.

- Деньги, как и покупаемые на них дома, машины, драгоценности, дорогая одежда, символизируют успех и высокий социальный статус. О богатых говорят, им завидуют, им пытаются подражать. А слава – это же так приятно!

Нет смысла продолжать этот ряд менее важными достоинствами богатства, так как суть дела и без того уже совершенно очевидна: счастья без богатства быть не может.

Однако именно с давно привычными очевидностями стоит быть особенно осторожными. Так, любая энциклопедия

человеческих заблуждений напомним вам, что римские цифры выдумали не римляне, а греки, а арабские – не арабы, а индийцы; что Британская энциклопедия издаётся в США; что венский вальс начали танцевать в Берлине; что Волга впадает не в Каспийское море, а в Каму; что родина тюльпанов – не Голландия, а Турция; что молния может много раз ударять в одно и то же место; что настоящие панамы делают в Эквадоре; что чёрные ящики в самолётах обычно оранжевого или голубого цвета. Вот и с богатством всё совсем не так очевидно.

Начнём с удовольствий. Ещё полвека назад Эрих Фромм в книге «Здоровое общество» писал, что в развитых странах они доступны уже для большей части людей. При этом получение удовольствия состоит главным образом в удовлетворении от потребления и «поглощения». Предметы потребления, достопримечательности, продукты питания, напитки, сигареты, люди, лекции, книги, фильмы – всё потребляется, всё «заглатывается». Мир – это один огромный объект наших желаний, большущее яблоко, большая грудь; а мы – грудные дети, находящиеся в вечном ожидании, исполненные надежды – и неизменно разочаровывающиеся.

О том же говорит известный писатель Олдос Хаксли: «Как раз те, чья жизнь проходит в погоне за наслаждениями, не только не спасаются от скуки, а острее других страдают от неё». И с этим трудно не согласиться. Скука издавна бы-

ла бичом жизни высшего света в Париже и Петербурге, Филадельфии и Окленде. Убийственный сплин придумали не нищие обитатели лондонского Ист-Энда, а блестящие аристократы Вест-Энда и Сохо. Почему же получение удовольствий и наслаждений так неизбежно оборачивается разочарованием и скукой?

Главной причиной является то, что удовольствия и наслаждения имеют чувственную природу, а нашим чувствам, как давно известно, быстро приедается всё знакомое, и каждый день для них – это поиск чего-то новенького. Если же этого новенького нет (а оно не может появляться ежедневно), – нас начинают одолевать скука и разочарование.

Сколько бы наша изобретательная цивилизация ни придумывала этого новенького, ей всё равно не успеть за человеческой жадной всё более новых и всё более острых ощущений. Уже Эрих Фромм констатировал, что жизнь в индустриальных странах дала отрицательный ответ на вопрос о том, может ли достижение наслаждения быть удовлетворительным ответом на проблему человеческого существования.

Впрочем, поэты знали об этом гораздо раньше. Евгений Баратынский в 1821 году в стихотворном послании к одному из своих друзей заключил:

Не упоения, а счастья
Искать для сердца должно нам.

Значит, счастье обладания богатством нужно искать не в удовольствиях. Но в чём?

Перечисляя то, что дают нам деньги, мы говорили не только об удовольствиях, но и о хорошем питании, неизнурительной работе, регулярном отдыхе, качественном лечении и некоторых других вещах, которые – все вместе – определяют качество нашей жизни. А от качества жизни, как известно, во многом зависит то, ощущаем ли мы себя счастливыми. Как же на самом деле связаны богатство и качество жизни, удовлетворённость жизнью, само наше счастье?

Сегодня эти вопросы уже основательно изучены социологами и психологами, и мне есть, на кого сослаться. Но не пугайтесь: помня о том, что я выступаю не на защите диссертации, я позволю себе опереться здесь, как на главный источник, лишь на одну работу – книгу профессора Оксфордского университета Майкла Аргайла «Психология счастья» (в оригинале 2-м изданием она напечатана в 2001 году). Книга эта хороша не только широтой своей проблематики и высоким авторитетом её создателя, но и тем, что в ней представлены также и мнения целого ряда других известных учёных.

Мы нередко видим на экране телевизора сцены массовых забастовок и организованных профсоюзами демонстраций и потому часто думаем, что деньги – важнейшая проблема нашего социального бытия. Но это убеждение, как оказалось, не подтверждается исследованиями учёных. Так, А. Кэмп-

Белл и его соавторы в работе «Качество американской жизни» показали, что среди 12 возможных источников удовлетворённости жизнью финансовое положение занимает 11-е, предпоследнее место. Л. Кинг и К. Напа пришли к выводу, что важность таких элементов благополучной жизни, как счастье и смысл, рассматриваются опрошенными ими людьми соответственно в 5 и 6 раз выше, чем деньги.

Опираясь на многочисленные исследования, Майкл Аргайл делает вывод: одни из этих работ показали, что наше счастье очень слабо зависит от уровня нашего дохода, тогда как другие вообще выявили отсутствие такой зависимости.

Неужели же нам безразлично, сколько мы зарабатываем, и мы не хотели бы завтра зарабатывать больше, чем сегодня? Конечно же, нет, но это вовсе не означает, что наша удовлетворённость жизнью прямо пропорциональна нашей заработной плате.

Исследования учёных показывают: когда в ряде государств отмечался заметный объективный рост благосостояния, там практически не наблюдалось никакого повышения субъективного благополучия. Так, во многих странах после Второй мировой войны благосостояние и средние доходы росли весьма динамично. В США они возросли по сравнению с довоенным периодом в 4 раза, а в Японии – ещё больше. При этом ни в одной из стран не выявлено практически никакого роста удовлетворённости. Д. Бленчфлауэр и Э. Освальд, опираясь на данные различных исследований,

установили, что в США ощущение счастья несколько усилилось, особенно среди людей младше 30 лет. Если в 1972 году 16 % молодых американцев считали себя «не слишком счастливыми», то в 1990-м таких было лишь 9 %. «Очень счастливыми» в 1972 году называли себя 30 % молодых американцев, в 1990-м – уже 33 %. Сходные результаты были получены и в Европе: в 12 из 13 стран отмечено небольшое увеличение числа людей, ощущающих себя счастливыми, особенно среди молодёжи. Исключение составила Великобритания. Однако, резюмирует Майкл Аргайл, все авторы сходятся на том, что уровень счастья возрос крайне незначительно, причём практически не изменилась и его зависимость от изменений дохода.

В ходе исследований была выявлена закономерность: влияние дохода на счастье значительно сильнее в нижней части шкалы доходов. Проще говоря, чем беднее человек, тем важнее для него деньги, тем сильнее его доход определяет его счастье. Это характерно как для бедных людей, так и для бедных стран. Исследователи объясняют это тем, что деньги здесь тратятся главным образом на пищу, жилье и удовлетворение других потребностей в самом необходимом. Когда же фундаментальные потребности уже удовлетворены, роль денег становится менее незначительной. Так, Р. Венховен и ряд других учёных выдвинули идею о том, что деньги увеличивают степень счастья тогда, когда способствуют удовлетворению базовых потребностей – в еде, крове, одежде, без-

опасности.

Согласно же концепции Абрахама Маслоу, после того, как удовлетворены потребности низших уровней (сначала физиологические, а затем потребность в безопасности), большее значение приобретают потребности высшего порядка – в социальном одобрении, самоуважении и, наконец, самореализации. Таким образом, по мнению исследователей, деньги способны делать более счастливыми лишь тех людей и те общества, которые ещё не развились до осознания ценности высших потребностей. Это интересный и важный вывод, который заслуживает осмысления.

Но почему даже очень заметное увеличение среднего дохода так слабо влияет на степень удовлетворённости жизнью? По мнению учёных, дело тут, прежде всего, в адаптации: люди быстро привыкают к определённому образу жизни и уровню потребления. Кроме того, это связано с тем, что наши ожидания, как показал Р. Эстерлин, растут быстрее, чем фактические доходы. Но если потребности постоянно растут, то их удовлетворение становится практически невозможным. В 1987 году американцам, чтобы исполнились их мечты, требовалось 50 тысяч долларов в год, а в 1994-м, всего через семь лет, они хотели иметь уже 102 тысячи долларов, то есть вдвое больше. Но дать им столько американская экономика никак не могла. Наконец, важно ещё одно обстоятельство: люди удовлетворены тогда, когда имеют больше других; поэтому, если богатеют и все вокруг, человек счаст-

ливее не становится. Так уж, оказывается, мы устроены. Вот почему, даже богатея, мы редко чувствуем себя более счастливыми.

Но и это не всё. Некоторые исследования дали ещё более неожиданный результат: они показали, что рост дохода может иметь и весьма неприятные последствия. Так, группа американцев, которые начали получать более высокие выплаты по социальному обеспечению, подверглись сильному стрессу; в другой группе с возросшими доходами увеличилось число разводов. Учёные предполагают, что подобные факты связаны с разногласиями относительно того, как потратить появившиеся дополнительные деньги, что, в свою очередь, приводит к усилению конфликтов в семье. Свою роль здесь снова играют и завышенные материальные ожидания, из-за которых люди, получая больше, чувствуют меньшую удовлетворённость, чем прежде.

Как показывают исследования, люди, считающие, что обладание имуществом играет большую роль, и судящие о собственной успешности по этому критерию, в итоге менее счастливы и часто, купив что-либо, испытывают разочарование. В действительности, – заключает Майкл Аргайл, – они ищут самореализации или счастья и каждый раз убеждаются в том, что материальные вещи, богатство не способны удовлетворить эти стремления.

К какому же выводу касательно связи денег и счастья пришёл оксфордский профессор Майкл Аргайл, проанализи-

ровав целый ряд серьёзных исследований этой проблемы? Многие люди, пишет он, считают, что деньги являются ключом к счастью. Однако в реальности роль денег в основном незначительна, потому что фундаментальные потребности большинства людей уже удовлетворены. Кроме того, существуют иные, гораздо более важные источники счастья, которые человеком не всегда осознаются. Убеждение, что деньги приносят счастье, – это иллюзия, – уверен Аргайл. Причина его устойчивости заключается, вероятно, в следующем: мы покупаем какие-то вещи, веря в то, что они будут нас радовать, доставят нам удовольствие. Однако они лишь незначительно изменяют нашу жизнь, не делая её счастливой. Но ведь человек, как заметил два столетия назад известный французский писатель Стендаль (Мари-Анри Бейль), «живёт на земле не для того, чтобы стать богатым, а для того, чтобы стать счастливым».

Может быть, это мнение лишь Майкла Аргайла и нескольких его единомышленников? Вовсе нет. Тогда же, когда вышло 2-м изданием исследование Аргайла, была опубликована работа известного американского психолога, профессора Тима Кассера «Высокая цена материализма. Психология культуры потребления» (2001; русский перевод – «Быть или иметь?», 2015). В предисловии к этой книге профессор Рочестерского университета в США Ричард Райан писал: «В ней автор кратко описывает поистине угрожающее число научных исследований, неопровержимо подтвержда-

ющих весьма нелогичный, с точки зрения многих современников, факт: наличие солидной суммы денег и массы дорогих вещей не приносит человеку удовлетворения жизнью и не укрепляет его психологическое здоровье. Иными словами, после того как доход человека достигает уровня, превышающего черту бедности, дальнейший рост богатства практически не оказывает позитивного эффекта на его мироощущение и субъективное благополучие. Но основная мысль Кассера, благодаря которой его выводы воспринимаются как нечто действительно новое и необычное, заключается в том, что наше безудержное стремление к богатству, судя по всему, делает нас менее счастливыми. Автор подтверждает научными фактами, что люди, излишне ориентированные на материальные ценности и цели, нередко жалуются на нервозность, больше подвержены депрессии и даже чаще болеют, в отличие от тех, кто менее озабочен проблемами финансового характера. А еще «материалисты» любят смотреть телевизор, чаще употребляют алкоголь и наркотики и, как правило, не могут похвастаться хорошими взаимоотношениями с окружающими. Даже во сне им нет покоя: их мучают кошмары и не покидает тревога. Таким образом, как только человек загорается «американской мечтой» как можно больше набить карманы, в его душе и самоощущении возникает некая пустота; и чем дальше, тем хуже ему становится».

Какие же главные выводы можно сделать, опираясь на мнения учёных? Во-первых, что богатство вовсе не гаранти-

рует счастья; во-вторых, что счастье возможно и без богатства; наконец, в-третьих, что богатство сопряжено не только с радостями и удовольствиями, но и с вещами явно негативными.

Трудно поверить, но негатив этот, как оказывается, настолько велик, что весьма часто перевешивает все достоинства богатства, делая его не просто ненужным, но даже губительным для человека. И об этой опасности человечество знает с незапамятных времён: инвективы против богатства мы находим во многих священных книгах человечества. У всех на памяти евангельская истина о том, что удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в царство небесное. Но, даже зная всё это, как-то не хочется менять богатство на бедность, ибо что хорошего можно найти в такой отвратительной вещи, как бедность? А главное, что же плохого можно было отыскать в такой замечательной вещи, как богатство?

Глава 5

Почему богатые тоже плачут

Итак, что же плохого можно было найти в такой хорошей вещи, как богатство? Мы, конечно, помним библейскую истину, согласно которой удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в царство небесное, но мы помним и другую библейскую сентенцию: «Ленивый не имеет ничего, а кто трудится, становится богатым». Но если бедность – результат лени, то почему она хороша? А если богатство – плод труда, то почему оно плохо?

Обратившие внимание на этот парадокс авторы «Лексикона популярных заблуждений» (1996) немцы Вальтер Кремер и Гетц Тренклер справедливо отмечают, что на самом деле лишь очень немногие люди смогли сильно разбогатеть благодаря усердному труду. В этом повседневная жизнь постоянно опровергает Библию. Журнал «Форчун» регулярно публикует список 500 самых богатых людей мира. Примерно половина из них получили свои деньги в наследство, другая же половина относится к нуворишам – начиная с американца Билла Гейтса, основателя фирмы «Майкрософт». «Эти люди, – пишут немецкие авторы, – приобрели состояние за счёт счастливого стечения обстоятельств. Если бы, например, фирма IBM, которая тогда доминировала на компьютерном рынке, объявила международным стандартом не опе-

рационную систему MS-DOS, а какую-нибудь иную, Билл Гейтс был бы всего лишь среднеоплачиваемым консультантом по операционным системам или владел бы лавкой, где продаются программы, как многие его коллеги по Гарварду (отметим, что он так и не закончил университет). Билл Гейтс в такой же степени способствовал этому решению IBM, как арабский шейх – нефтяному фонтану. Обоим просто повезло. Да и другие богачи, – продолжают Вальтер Кремер и Гетц Тренклер, – стали богатыми благодаря случаю, а не каким-то особым талантам. Доказательство тому – им редко удаётся повторить свои удачи. Профессор Массачусетского технологического института Лестер Тьюров отмечает, что «если проанализировать список «Форчун», мы обнаружим, что в нём нет никого, чьё состояние основывалось бы на нескольких удачных операциях. Всякий раз это результат единственного удачного предприятия, после которого капитал нарастает точно так же, как если бы его положили в банк».

Итак, одним лишь кропотливым трудом крупное состояние не наживёшь. Наверное, небольшое состояние нажить легче, но и тут одним честным трудом едва ли удастся обойтись. Мы живём в условиях рыночной экономики, а она предполагает жёсткую конкурентную борьбу – борьбу на выживание, борьбу, в которой, как давно известно, все средства хороши. Она диктует всем один кодекс поведения – рыночный эгоизм, главные черты которого – жадность, обман, лицемерие, чёрствость. В своём классическом варианте он

очень наглядно изображён в литературе XIX – начала XX века. Почитайте, например, Диккенса или Бальзака, Золя или Твена, Достоевского или Франко, Гарди или О. Генри – едва ли вам захотелось бы жить в такой реальности. Конечно, в наше время в развитых странах капитализм выглядит совсем не столь уродливо, но и сегодня его спутниками являются конкуренция, эксплуатация, нередко – обман и преступление. Всё это явно противоречит элементарным нормам человеческой нравственности.

Вот почему, оставаясь нравственным, трудно разбогатеть. И если уж человек добивался богатства, то обычно расплачивался за него подавлением человеческого в себе, деградацией души. И тут уже дело даже не в самом по себе капитализме.

Великий японский поэт Мацуо Басё, живший в XVII веке, много странствовал. Нищему страннику нередко доводилось в пути голодать, холодной осенью спать в поле под открытым небом, поэтому он высоко ценил проявления гостеприимства. В его путевом дневнике «По тропинкам Севера» читаем: «В Обанасаве я навестил некоего Сэйфу. Хотя он богат, но не низмен душой. Он удержал меня на несколько дней: время от времени он наезжает в столицу и, конечно, знает, каково бывать в пути, – обласкал после дальней дороги, всячески меня приветил». Обратим внимание на эту оговорку: «Хотя он богат, но не низмен душой». Чувствуется удивление поэта: богачу ведь положено обладать именно

низменной душой.

Барон, герой «маленькой трагедии» Пушкина «Скупой рыцарь» (1830), любуясь в своём подземелье накопленным золотом, говорит:

... Кажется не много,
А скольких человеческих забот,
Обманов, слёз, молений и проклятий
Оно тяжеловесный представитель!
Тут есть дублон старинный... вот он. Нынче
Вдова мне отдала его, но прежде
С тремя детьми полдня перед окном
Она стояла на коленях воя.
Шёл дождь, и перестал, и вновь пошёл,
Притворщица не трогалась; я мог бы
Её прогнать, но что-то мне шептало,
Что мужнин долг она мне принесла
И не захочет завтра быть в тюрьме.
А этот? этот мне принёс Тибо —
Где было взять ему, ленивцу, плуту?
Украл, конечно; или, может быть,
Там на большой дороге, ночью, в роще...
Да, если бы все слёзы, кровь и пот,
Пролитые за всё, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп — я захлебнулся б
В моих подвалах верных.

Но и самому Барону богатство досталось не даром, он дорого заплатил за него:

Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузанных страстей, тяжёлых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Всё это стоило? Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Заимодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мёртвых высылают?..
Нет, выстрадай сперва себе богатство...

Попытаемся понять мысль великого поэта. Богатство нужно не просто скопить, собрать – его нужно *выстрадать*: подчинить ему свои дни и ночи, мысли и страсти, а главное – задушить в себе голос совести.

Но ведь совесть – это то, что помогает нам различать добро и зло, это то, что соединяет человека с Богом, это основа души человеческой. Если так, то выстрадать богатство – значит перестать различать добро и зло, значит забыть о Боге в себе, значит принести в жертву богатству свою душу. Это было известно людям задолго до времени торжества капитализма. Вот, например, в концовке одной из новелл сборни-

ка «Новеллино», созданного в Италии в XIII веке, читаем: «Всем нам ясно видно, что богатство губит душу человеческую; те, кто его жаждали, сами стремились к погибели души, а потому они её и заслужили».

Стоит ли богатство такой жертвы? Этот вопрос каждый решает для себя сам. Три четверти века назад известная американская писательница Гертруда Стайн, к мнению которой прислушивались многие из тех, кого мы сегодня называем классиками литературы и искусства XX столетия, сказала об этом: «Я хочу быть богатой, но не хочу делать то, что надо делать, чтобы стать богатой». Эту же мысль высказывает и Пабло Пикассо: «Я хочу жить, как бедный человек с деньгами». В то же время выдающаяся русская актриса Фаина Раневская записала: «Мне всегда было непонятно: люди стыдятся бедности и не стыдятся богатства». Многим из нас логика этой мысли покажется странной, а ведь она безукоризненна: слишком редко богатство бывает настолько незапятнанным, чтобы его можно было не стыдиться.

Итак, стремясь к богатству, мы должны пожертвовать своей душой и своей нравственностью. Но душа, на взгляд многих, – это что-то абстрактное и «неудобопонимаемое», как говорил один чеховский герой; ну, а нравственность – правила для слабых и безвольных. Тогда так ли уж велика эта жертва?

На первый взгляд, это и впрямь небольшая плата за те возможности, которые даёт нам богатство. Но давайте взглянем

на это внимательнее. Если я следую кодексу нравственности, то я легко устанавливаю гармоничные отношения с другими людьми, придерживающимися этого же кодекса. Игнорирование его лишает меня такой возможности. Говоря проще, если ради богатства я становлюсь на путь зла, мне приходится платить за это одиночеством. Даже в своей семье. Отныне единственный мой близкий – моё богатство. Но только немногие глубоко духовные, просветлённые люди способны легко переносить постоянное одиночество, для всех остальных оно – проклятьё, противоестественное состояние, чреватое безумием. И это – ещё одна немалая жертва богатству. И всё ещё не последняя.

Представим себе, что так или иначе я добился богатства: в трудной борьбе я победил конкурентов и сколотил себе состояние. Теперь, наконец-то, можно расслабиться? Увы. Ошо Раджниш пишет об этом: «Даже если ты победил, счастья это не приносит. Ведь в ту секунду, когда ты добиваешься успеха, ты испытываешь страх: теперь у тебя могут всё это отнять. Вокруг полно соперников, и все они наступают на пятки!

До того, как тебе повезло, ты переживал, получится у тебя или нет; теперь ты на коне: у тебя есть деньги и власть, но ты боишься, что у тебя могут всё это отнять. Ты трясся от страха раньше и трясёшься теперь. Страдают неудачники, страдают и победители» (книга «О понимании»). Богатство сопряжено с разнообразным страхами, лишаящими нас не

то что счастья, но даже и покоя. Значит, счастье и покой тоже оказываются жертвами, приносимыми нами богатству.

Особенно трудно быть богатым в бедной стране: чем резче контраст богатства и бедности, тем выше напряжённость в обществе, тем больше совершается преступлений, тем более безнравственным оказывается богатство. Иногда даже совсем не щепетильные богачи в таких условиях могут испытывать угрызения совести. Ошо Раджниш рассказывал: «Один из богатейших людей Индии поведал мне, что испытывает чувство вины. Страна гибнет от бедности, а его богатства всё растут. Однако ему не хватает духу прекратить рост своего состояния – в глубине души ему хочется ещё больше. И он не находит себе места» (книга «Пустое зеркало»).

Это очень характерный случай: человек мучается чувством вины, не находит себе места, но остановиться не может – ему неудержимо хочется всё большего и большего. Это одна из извечных особенностей богатства. Ещё библейский пророк Экклезиаст сказал: «Кто любит серебро, тот не насытится серебром». В конце XIX века эту особенность ярко охарактеризовал Артур Шопенгауэр. Он показал, что погоня за богатством бесконечна и бессмысленна: чем больше мы имеем, тем большего хотим. Богатство – как солёная вода: чем больше её пьёшь, тем сильнее жажда. И оказывается, что уже не мы владеем вещами, а они – нами.

Известный американский психотерапевт Ирвин Ялом в книге «Дар психотерапии» (2001), основываясь на своей бо-

гатов клинической практике, полностью соглашается с выводами Шопенгауэра. Он пишет, что многие честолюбивые молодые люди начинают делать карьеру в сфере высоких технологий с чёткой целью «...зарабатывать кучу денег, жить разнобразной жизнью, добиться уважения коллег, рано выйти на пенсию. И беспрецедентное число молодых людей на четвёртом десятке поступают именно так. Но затем возникает вопрос: «Что теперь? Как же быть с остальной частью моей жизни – следующими сорока годами?»»

Многие связанные с высокими технологиями молодые миллионеры, которых я встречал, – пишет Ирвин Ялом, – продолжают делать всё то же самое: организывают новые компании, пытаются повторить свой успех. Они поднимают планку. Чтобы почувствовать, что они сами и их семьи теперь обеспечены, они больше не нуждаются в одном или двух миллионах в банке – им нужно пять, десять, даже пятьдесят миллионов, чтобы почувствовать себя в безопасности. Они осознают бессмысленность и иррациональность получения ещё больших денег, когда у них уже больше, чем они могут потратить за всю свою жизнь. Но это не останавливает их. Они осознают, что отнимают время, которое могли бы провести в своих семьях, со всем тем, что близко их сердцу, но они просто не могут бросить эту игру. Они должны совершать сделки. Один солидный предприниматель, занимающийся недвижимостью, рассказал мне о своём страхе, что он просто исчезнет, если остановится».

Наверное, это главный порок богатства, даже нажитого честно: раньше или позже оно станет самоцельным и подчинит себе своего обладателя. С этого момента не богатство будет служить ему, а он богатству, жертвуя ради него всё большим и большим. И это тоже известно давно. Четыре столетия назад об этом сказал Френсис Бэкон: «Многие, думая, что они смогут всё купить за свои богатства, сами прежде всего продали себя».

В Евангелии от Матфея содержится призыв не копить материальные сокровища на земле, а копить нравственные сокровища на небе, «ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше...» Тонкое замечание: если сокровища для нас – деньги, недвижимость, товар, то все наши мысли и переживания будут связаны с ними. Изменение котировок акций, курсов валют, цен на землю, нефть или зерно – вот что будет определять каждый наш день, наше настроение, наши взаимоотношения, наше самочувствие. Американец Пол Гетти, бывший полвека назад обладателем самого большого состояния в мире, сказал: «Если у вас нет денег, вы всё время думаете о деньгах. Если у вас есть деньги, вы думаете уже только о деньгах». Человек становится всего лишь частью процесса обогащения. Отсюда и страх, о котором писал Ирвин Ялом: если остановится процесс обогащения – перестанет существовать и сам человек.

Кстати, о смерти. Издавна говорится о том, что именно смерть проявляет истинную ценность богатства, точнее, пол-

ную его бессмысленность. Человек тратит всю жизнь на то, чтобы скопить богатство, а в конце предлагает Смерти: «всё, что имею, – за одну минуту жизни» (такими, по легенде, были последние слова Елизаветы I Английской). Момент смерти становится моментом истины.

Но даже власть всемогущей смерти не всегда может пересилить власть богатства. Католические священники в своих проповедях всегда использовали так называемые «примеры» (*exempla*) – истории из жизни в назидание прихожанам. Известный медиевист Арон Гуревич в книге «Культура и общество средневековой Европы глазами современников (*Exempla* XIII века)» (1989) приводит такой «пример»: «Священник застал умирающего богача плачущим и стеноющим и вообразил, что тот сокрушается о своих прегрешениях. Вскоре после его похорон священник услышал вопли и рыдания на кладбище. То был покойный богач, и священник спросил его: «Каковы же твои грехи? Я думал, что перед твоей смертью отпустил их тебе». А тот в ответ: «Когда при своей кончине я плакал, ты подумал, что я сокрушаюсь о грехах. Вовсе нет! Я знал, что моя жена выйдет замуж за другого и растратит моё добро. Об этом же я и ныне плачу, и ни о чём ином».

Таков же и поминавшийся выше пушкинский Барон из «Скупого рыцаря», мечтающий в предвидении скорой смерти:

...о, если б из могилы

Прийти я мог, сторожевою тенью

Сидеть на сундуке и от живых

Сокровища мои хранить, как ныне!..

Кстати, согласно давним представлениям, перед смертью человеку очень важно распорядиться всем, что у него есть, чтобы при встрече с ней освободившееся от всех земных привязанностей сознание полностью сосредоточилось на переходе в иной мир. От того, как пройдёт этот переход, зависит и судьба человека в ином мире, и его последующее воплощение в мире земном. Казалось бы, нет ничего важнее этого. Но, оказывается, богатство, даже потерявшее в момент смерти всякий смысл, может быть важнее самого важного – твоей посмертной судьбы и будущей жизни.

Став самоцельным, богатство не только превращает своего господина в слугу – оно и само превращается в свою полную противоположность. В стремлении сохранить в целостности свои сокровища, их обладатель способен умереть с голоду, как последний нищий. Такие примеры известны с незапамятных времён: однажды к Будде, жившему в V веке до нашей эры, пришёл местный царь и рассказал о недавно умершем в его владениях богаче. Он оставил после себя несметное количества золота и серебра, но всю жизнь ходил в тряпье и питался одной лишь кислой кашей из отрубей. Позднее, уже во времена римской античности, Луций Анней Сенека сказал о таких людях: «Они нуждаются, обладая богат-

ством, а это самый тяжёлый вид нищеты».

Таков самый тяжкий порок и самый мрачный парадокс богатства: становясь из средства целью, оно превращает своего господина в раба, а само оборачивается нищетой. Зная это, вряд ли станешь утверждать, что богатство и есть счастье. И это тоже давно известно человечеству. Больше трёх столетий тому известный французский моралист Жан де Лабрюйер заметил: «Богатству иных людей не стоит завидовать: они приобрели его такой ценой, которая нам не по карману, – они пожертвовали ради него покоем, здоровьем, честью, совестью. Это слишком дорого – сделка принесла бы нам лишь убытки».

И так думали не только философы. Так могли думать и те, кто для всего мира стал олицетворением успеха в достижении богатства. Многие знают, сколько именно миллионов оставил своим наследникам Генри Форд, но немногие знают о том, что уже в возрасте 26 лет Форд уверовал в реинкарнацию душ – в то, что человек проживает множество жизней. Говоря о том, что эта вера украсила всю его нелёгкую жизнь, он признался, что в будущей жизни не хотел бы быть богатым: слишком уж дорого ему стоило его богатство.

И ныне всё больше состоятельных людей, особенно в зрелом возрасте, понимают, что деньги не только не дали им счастья, но стали причиной глубоких разочарований. И тогда они начинают искать что-то иное, что могло бы сделать их счастливыми. В предыдущей главе я уже говорил о том,

что нередко эти поиски приводят их на Восток. Позволю себе повторить то, что сказал приехавшим к нему состоятельным европейцам Ошо Раджниш: «Если бы не ваши деньги, вас бы здесь не было. И вы пришли именно потому, что устали от своих денег. Вам надоел успех. Вы здесь потому, что разочаровались в жизни. Нищий сюда не придёт, он всё ещё на что-то надеется». Как видим, обретение богатства нередко оборачивается жизненным тупиком.

Если бы всё это касалось только отдельных богатеев, этого можно было бы и не замечать. Но как онтогенез, то есть индивидуальное развитие отдельных животных или растений, обычно очень схож с филогенезом, то есть с историческим развитием всего класса таких животных или растений, так и проблемы индивидуума часто оказываются проблемами всего человечества. И потому в результате погони за богатством в жизненном тупике оказались ныне не только отдельные люди, но и всё человечество, о чём убедительно свидетельствовали доклады Римского клуба.

А ещё за полвека до создания Римского клуба профессор Берлинского университета Рейнгольд Зееберг отмечал, что давно уже капитал «перестал быть слугой и превратился в хозяина. Обретя отдельное и независимое существование, он присвоил себе право старшего партнёра диктовать законы экономической организации в соответствии со своими собственными категорическими требованиями». Теперь главное – не то, что нужно человеку и человечеству, а то, что

нужно самому капиталу. А капиталу нужно, чтобы производство создавало как можно больше вещей, а человечество как можно больше вещей потребляло, покупая всё новые и новые, и как можно меньше задумывалось над тем, нужны ли ему на самом деле эти вещи и сколь многим за них приходится платить.

Так, став самоцельным, капитал изменил всю человеческую цивилизацию и самого человека. Теперь, как отмечал Эрих Фромм, «...сама промышленность стала занимать среди интересов человека преобладающее место, какое не должна занимать ни одна область и меньше всего – производство материальных средств существования. Подобно ипохондрику, который настолько поглощён процессом своего пищеварения, что идёт к могиле ещё до того, как начал жить, индустриальные общества забывают, ради чего они приобретают богатства в ходе своей лихорадочной деятельности» (книга «Здоровое общество»).

Ныне именно капитал в решающей степени определяет направления развития науки, техники, образования, делая это развитие очень мало зависящим от людей и руководствуясь исключительно собственными интересами.

Капитал равнодушен к людям, равнодушен он и к природе. Отношение к ней как объекту беспощадного покорения и ничем не ограниченной эксплуатации уже привело человечество к порогу глобальной экологической катастрофы.

Став самоценным, капитал, по сути дела, превратился

в средство уничтожения человека руками самого человека. Современный философ Валерий Губин в книге «Жизнь как метафора бытия» замечает: «В наше время динамика выражается в безудержном росте производства продуктов потребления и увеличении массы, которая потребляет, при этом само производство потребляет массу, они друг без друга не существуют и друг друга обуславливают. В этом процессе исчезает человек как личность, как особый тип, обескровливается культура, истощается земля. Неизбежными становятся социальные катастрофы, антропологическая деградация, неизбежно всё идёт к концу, поскольку заканчивается тот запас энергии, который в эпоху массового общества только тратится, – запас добра, любви, уважения к человеку. Такой запас энергии веками создавался религией, искусством, воспитанием».

В известном сатирико-фантастическом романе Карела Чапека «Война с саламандрами», написанном в 1935 году, рассказывается о том, как люди, заметив удивительные способности гигантских индонезийских саламандр, начали обучать их, снабжать инструментами и использовать как рабочую силу на подводных работах для строительства дамб, портовых сооружений т. п. Саламандр становилось всё больше, по уровню своего развития они уже догнали среднего обывателя. И вот у них появился свой вождь (очень напоминающий Гитлера), который поставил перед ними задачу завоевания мира. Для этого живущие в воде саламандры стали

подрывать берега, и те вскоре оказывались под водой. Человечество было обречено на скорую гибель. Внутренний голос автора протестует против такой мрачной концовки (закрывающая роман короткая глава называется «Автор беседует сам с собой»), но создатель романа не видит никаких возможностей для спасения людей, ибо дело здесь не только в саламандрах: «Скажу тебе одну вещь: знаешь, кто *даже теперь*, когда пятая часть Европы уже потоплена, всё ещё поставляет саламандрам взрывчатые вещества, торпеды и свёрла? Знаешь, кто днём и ночью лихорадочно работает в лабораториях над изобретением ещё более эффективных машин и веществ, предназначенных разнести мир вдребезги? Знаешь, кто ссужает саламандр деньгами, кто финансирует Конец Света, весь этот новый всемирный потоп?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.